

Звездная бабочка

Автор:

[Бернар Вербер](#)

Звездная бабочка

Бернар Вербер

Бесконечная Вселенная Бернара Вербера

Человечество оказалось на грани гибели: природные катаклизмы, смертельные вирусы, теракты, насилие и жестокость. Кажется, спасения нет. Но отчаянный инженер-идеалист решается на безумие. Он конструирует корабль «Звездная бабочка», чтобы перелететь на другую планету и дать человечеству новый шанс. Несколько тысяч тщательно отобранных добровольцев рискнули поверить, что можно все начать сначала и построить справедливое общество. Смогут ли они выжить на гигантском корабле и добраться до загадочной планеты? Идеалы – это прекрасно, но куда бы человек ни сбежал, он берет с собой свою сущность..

Бернар Вербер

Звездная бабочка

Посвящается Клоду Лелушу, благодаря которому я снял первый свой фильм – «Друзья наши человеки»

Тень мечты

1. Сила воды

В начале было дыхание.

Могучее дыхание соленого ветра.

Он гнал парусные суденышки по бескрайним океанам.

И самым скорым среди всех парусников, вне всякого сомнения, был тот, что принадлежал Элизабет Мэлори.

Молодая женщина с бирюзовыми глазами снискала славу чемпионки, победив два раза кряду в одиночной кругосветной парусной гонке – состязании, право на участие в котором до сих пор принадлежало только мужчинам.

Стоя одиноко в носовой части своего катамарана под названием «Летучая рыбка», она сжимала деревянный руль, управляя длинной, остроносой алюминиевой конструкцией.

Ее легкое суденышко содрогалось всем корпусом, то рассекая пенные гребни волн, то взмывая над ними, точно настоящая летучая рыба.

Быстрее! Сильнее!

Укрытая сплошной пеленой насыщенных йодом брызг, она нескладно распевала наперекор шторму, рискуя сорвать себе голос. В том заключался секрет ее победы: петь созвучно ветру, чтобы слиться воедино с разбушевавшейся стихией.

Ей казалось, что она сама превратилась в море – клокочущую соленую воду, вздыбившуюся островерхими волнами, обрамленными кружевами пены.

Элизабет Мэлори была прекрасна.

Ею были очарованы все мужчины – поговаривали даже, будто в перерыве между двумя регатами полку ее обожателей изрядно прибыло. И вот теперь ей, словно пресытившейся ничтожными удовольствиями, понадобилось оказаться в полном одиночестве посреди водной пустыни, где ее неразлучными спутниками были облака да рыбы.

2. Легкость воздуха

В начале была мечта.

Мечта о новых горизонтах.

Она будоражила возвышенное воображение Ива Крамера.

Он возглавлял отдел «Новшества и перспективные разработки» в авторитетном Космическом агентстве и отвечал за составление новых проектов, связанных с космическими полетами. Пока что ему так и не удалось довести до ума ни один из них, хотя у него в кабинете громоздились целые горы папок со схемами новых ракет, орбитальных станций и даже городов, которые предполагалось основывать на ближайших планетах. Ив Крамер ничем не выделялся среди многочисленных поденщиков, тянувших лямку в недрах авиационных лабораторий. Был он среднего роста, с жиденькими волосами на голове, и взгляд его был извечно устремлен куда-то вдаль сквозь толстые очки.

Инженер Крамер никогда не вылезал из белого халата, карманы которого были набиты непишущими ручками и ненадежными калькуляторами.

Работа его состояла главным образом в том, чтобы рассылать письма с завуалированным отказом, которые неизменно начинались так: «Благодарим за представленный проект, однако он не укладывается ни в одну из наших нынешних программ, и находящиеся в нашем распоряжении средства не позволяют нам заниматься дальнейшим его продвижением». А заканчивались они такими словами: «Просим принять заверения в нашем глубочайшем

почтении. Держите нас в курсе ваших новых разработок».

Свою работу Ив Крамер принимал близко к сердцу. Он штудировал от начала до конца большую часть проектов, даже самых фантастических. И потому стал желанным собеседником для журналистов: он делился с ними самыми причудливыми проектами из тех, что попадали к нему в руки.

Невзначай он опрокинул стопку отказных писем и принялся собирать их одно за другим. Тут зазвонил телефон, и, торопясь снять трубку прежде, чем включится автоответчик, он смахнул другую стопку писем – их тоже надо было собрать и потом разобрать.

Его называли недотепой, а он сам себя называл мечтателем.

Его называли увальнем, а он сам себя называл рассеянным.

Его называли растяпой, а он сам себя называл фантазером.

Ив Крамер понимал – денег, чтобы осуществить хотя бы один из представленных ему на рассмотрение проектов, днем с огнем не сыскать. Между тем он не терял надежду, что когда-нибудь у него что-то да выгорит. Ему вовсе не улыбалось так и остаться, как однажды выразилась его первая жена, «обывателем, пичкающим газетчиков всякими небылицами».

По ночам, прильнув глазом к резиновому окуляру персонального телескопа на балконе своего дома, закутанный в одеяло, он воображал, как в один прекрасный день какой-нибудь его проект все же будет доведен до логического завершения.

И тогда он отправится в путь.

Далеко-далеко.

Все дальше и дальше.

И бросит эту Землю, где все больше чувствует себя чужаком.

3. Первая волна

Встреча дыхания с мечтой, а точнее, Элизабет Мэлори с Ивом Крамером, случилась далеко не при самых удачных обстоятельствах.

Инженер ехал в машине и слушал ритмичную музыку, давя на газ, потому что в очередной раз опаздывал на встречу с каким-то журналистом.

Тем временем покорительница морей переходила улицу, держа курс на контору своего нового благодетеля, обещавшего привести в порядок ее парусник для участия в следующей одиночной кругосветной регате.

Шел дождь, а дворники в машине работали с грехом пополам. Он давно уже собирался заехать в автомастерскую и починить их, да все было недосуг.

Помимо недотепства, был у него еще один недостаток – нерасторопность. Умение откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. А после только успевай наверстывать упущенное.

На повороте он поддал газу.

Элизабет, под зонтиком и с наушником от мобильного телефона в ухе, разговаривала с одним из своих обожателей, который смешил ее, стараясь обольстить. Что, впрочем, у него неплохо получалось.

Потому-то она и не услышала рев автомобиля, возникшего как из-под земли среди ночи. Заметив силуэт молодой женщины, Ив резко ударил по тормозам. Колеса заблокировались и на скользком асфальте потеряли сцепление с дорогой – машина сорвалась в аквапланирование. И передом ударила покорительницу морей по коленкам. Что-то хрустнуло – словно треснула сухая деревяшка. Элизабет почувствовала, как ее медленно, точно в замедленной съемке, подбросило в воздух, высоко-высоко. Она взмыла вверх, ощутила дождь, увидела землю с порядочной высоты, камнем рухнула вниз и больше не встала. Она так и лежала на земле, скорчившись от боли. А потом совсем затихла.

4. Соленые испарения

Думали – она погибла.

А она была жива.

На поправку Элизабет шла долго. Она лежала, зарывшись в больничных простынях, точно зверек в своей берлоге перед зимней спячкой.

А когда пришла в себя, поняла, что внутри нее что-то умерло. Позвоночник внизу простреливала боль. Она уже не могла ни стоять, ни ходить. Отныне ей было уготовано перемещаться только в кресле-каталке.

У Элизабет пропало всякое желание петь. Казалось, судьба предала ее. Она согласилась на сеансы интенсивной реабилитации и психологической помощи.

Медленнее! Слабее!

Кинезитерапевт заверял, что скоро она снова сможет ходить, на костылях, – впрочем, за свою жизнь она понаслушалась предостаточно всяких пустомелей и прохвостов и поняла, что он сказал это лишь для того, чтобы ее утешить.

Спортивная карьера – псу под хвост. Ярость – без предела. В голове единственная мысль, уместяющаяся в одно слово: «мечь».

Тот горе-водила, перечеркнувший ее жизнь, еще заплатит. Дорого заплатит.

5. Непроглядные хмари

Вспышки фотокамер. Протянутые вперед микрофоны.

На судебном заседании, о котором растрезвонили все СМИ, Ив Крамер говорил мало. Он признал перед судом свои ошибки. И промямлил извинения, обращаясь

к главной своей обвинительнице.

Его осудили по полной. Ему надлежало всю жизнь выплачивать содержание молодой чемпионке-инвалиду. Вдобавок он получил год тюрьмы условно за нанесение телесных повреждений по неосторожности. Сверх того, его навсегда лишили права управлять машиной, мотоциклом и мотороллером. Теперь по закону он мог передвигаться только на велосипеде, ну и в довершение всего суд счел возможным рекомендовать ему, принимая во внимание степень его рассеянности, ездить только по проселочным дорогам.

«Раз не видите, куда едете, сидите дома, чтобы не быть угрозой для других», – заключила судья и, призывая зал к порядку,хватила колотушкой по столу.

По окончании судебного заседания инженер настиг молодую покорительницу морей на выходе и искренне извинился, уже лицом к лицу, потом пробурчал, что очень сожалеет, и пожелал скорейшего выздоровления. Впрочем, договорить до конца Элизабет ему не дала: как только Ив Крамер нагнулся ближе, она сжала кулак и со всего маху, заключительным аккордом врезала ему в челюсть. Но не успел он отпрянуть, как она вскочила с кресла-каталки и скрюченными пальцами, с пеной на губах вцепилась ему в горло.

Инженер даже не пытался защищаться, он только зажмурился и смиренно ждал – готовился распрощаться с жизнью. Только трое человек сумели оттащить искалеченную спортсменку от ее жертвы, которую она напоследок наградила плевком.

6. Темные дороги

Две загубленные жизни.

Элизабет Мэлори понимала – ее ноги и таз уже никогда не будут двигаться, как прежде. С сексом тоже можно попрощаться раз и навсегда из-за нестерпимой боли в тазобедренном суставе.

Бывшая чемпионка была отныне прикована к инвалидной коляске – и выбираться из дома могла лишь с помощью медсестры. Ей пришлось переселиться на первый этаж. Замкнувшись в горестном негодовании, она запила и закурила. Из-за несносного характера от нее отказались медсестры: она вгоняла их в слезы и колотила.

Ела она что придется: конфеты, арахисовое масло, бутерброды с шоколадным маслом, чипсы, мороженое.

Ее мучила бессонница – и она глотала снотворное.

Ее терзала боль – и она поглощала обезболивающее. Нервы у нее были совсем ни к черту – и она пичкала себя успокоительным.

А уныние гасила антидепрессантами.

Однако под комплексным воздействием лекарственных препаратов жизнь вокруг не стала лучше – она будто проглядывала сквозь ватную пелену.

Медленнее! Слабее!

Элизабет Мэлори, утратившая способность двигаться после стольких лет активной жизни, делала то, чего прежде никогда не делала: она часами валялась на подушках, объедалась сладостями и с набитым ртом тупо пялилась в телевизор. Когда она ничего не жевала, то дымила как паровоз, когда не дымила как паровоз, прикладывалась к бутылке. А когда не прикладывалась к бутылке, поглощала таблетки.

О том, что творилось в мире, который некогда принадлежал ей и от которого она всегда бежала на океанские просторы, Элизабет Мэлори узнавала теперь из теленовостей.

И грубых картинок.

Миром ее была война.

Миром ее был религиозный фанатизм.

Миром ее был слепой терроризм.

Миром ее было повсеместное загрязнение окружающей среды.

Миром ее был быстрый и неуклонный рост народонаселения.

Миром ее были бедность, голод, нищета.

Между тем во всех странах мира возник класс новоявленных богачей, цинично возвышавшихся над обществом страждущих.

И был среди упомянутых нуворишей некий Габриель Макнамара, первопроходец в области информационно-вычислительных технологий, мало-помалу перекупавший своих конкурентов и с недавних пор переключившийся на генетику. Таким образом, он подчинил себе машины и живых существ.

Поговаривали, будто он обладал самым крупным состоянием в мире. Даже главы государств принимали его у себя как равного. Слушая однажды, как он расписывал свой идеальный дом будущего, Элизабет Мэлори подумала: будь у нее возможность передвигаться на собственных ногах, как прежде, она непременно пошла бы к этому самому Макнамаре и попросила у него денег на постройку нового парусника – не чета всем, на которых она гоняла прежде.

Но очень скоро это видение заслонило другое. Она вдруг вспомнила птицу, которую как-то видела, когда проходила мимо затонувшего танкера, – перепачканную мазутом чайку, тщетно силившуюся расправить крылья.

7. Проблеск в ночи

Нет сил.

Ив Крамер попросил год отпуска.

После суда инженер, терзавшийся угрызениями совести, не раз пытался разыскать Элизабет Мэлори, но та дала ему ясно понять, что больше не желает видеть человека, превратившего ее жизнь в кошмар.

Однако он продолжал ей названивать. Каждый божий день. Он оставлял на автоответчике послания с извинениями и пожеланиями выздоровления.

Ив Крамер тоже смотрел новости по телевизору. Лучшего способа отвлечься у него не было. Чужие беды помогали ему забыть свои собственные злоключения.

Глядя на себя в зеркало, я боюсь.

А глядя на других – успокаиваюсь.

Чем хуже было другим, тем лучше становилось ему самому.

Будучи в свое время рьяным защитником окружающей среды, он когда-то ревностно боролся за сохранение исчезающих видов; против ужасающих условий содержания скота и промышленного животноводства; за биоразнообразие; за контроль над пищевой промышленностью. Был в его прошлой жизни и анархистский период, когда он ратовал за упразднение правительств, полиции и армии.

Только все эти баталии остались в далеком прошлом. И телевизионные новости напоминали ему, что они были химерой.

Верх одержали фанатики, посредственности и лгуны – они-то и навязывали свои законы.

Когда Ив Крамер не думал об Элизабет Мэлори, он погружался в приходившие к нему по почте проекты.

Один-единешенек у себя дома, он мог теперь наверстать упущенное и разобрать наконец десятки накопившихся у него нетронутых папок.

Так он открывал для себя планы по освоению космоса в вероятном будущем, составленные самыми одержимыми своими современниками. Во избежание

каких-либо предпочтений он разложил три сотни отсроченных проектов прямо на полу и расхаживал между ними, выбирая среди всей этой кучи тот или иной наугад.

И вот однажды к нему в комнату впорхнула ночная бабочка.

Она забилась об оконные стекла, а следом за тем привлеченная светом потолочной лампы, целенаправленно устремилась к ней и краешком крыльев задела ее тонкое стекло – послышалось неприятное шуршание.

Какое-то мгновение Ив Крамер наблюдал за нею. Он вспомнил, как отец его говорил: «Бабочки всегда летят на свет». Бабочка вдруг напомнила ему о чем-то очень важном – и он кинулся к стенному шкафу. Зарывшись в куче из трехсот папок, он совсем забыл про еще одну. Папку Жюля Крамера, своего отца.

Он достал отцовскую папку и сдул с нее вековую пыль.

Над головой у него ночная бабочка со все более навязчивым шуршанием билась крылышками о лампочку.

Ив Крамер осмотрел папку, которую держал в руках. На ней значилась скромная надпись: «Солнечный парусник», – это была последняя навязчивая идея отца, потом он покончил с собой из-за любви к какой-то женщине.

Жюль Крамер тоже был инженером и тоже занимался авиационно-космическими технологиями. На вершине своей карьеры он разработал идею, которая заключалась в том, чтобы, отказавшись от углеродного топлива, перейти на использование световой энергии. В былые времена, разумеется, проводились опыты с фотонной энергией, но все они так и не увенчались успехом. Так что дальнейшие изыскания в этом направлении были скоро свернуты.

Ив невольно перевел взгляд на вещицу из своей коллекции научных диковинок. Радиометр.

Этот удивительный прибор подарил ему отец, объяснив походя принцип действия световой тяги.

Это была толстая круглая склянка, и внутри нее помещалась ось, вокруг которой вращались четыре стрелки с черно-белыми ромбиками на концах. Свет от его лампы, попадая на ромбики с белой стороны, заставлял вращаться стрелки.

Ив Крамер поднес радиометр поближе к свету – и тот начал вращаться быстро-быстро.

Инженер знал: свет состоит из фотонов, и каждая его частица, попадая на стрелки со светлой стороны, приводила в движение стрелки, заставляя их вращаться вокруг оси.

Белый цвет отталкивал фотоны.

А черный их поглощал.

Ив припомнил и другие слова отца: «Нас спасет свет».

Ив, тогда еще мальчишка, отвечал ему:

– А по-моему, нас спасет любовь...

– Да нет, сынок. Любовь сводит человека с ума. Из-за любви человек способен на убийство. Любовь часто бывает обманчивой. Зато свет не обманывает никогда. Он вездесущ. Он озаряет. Разрывает тьму. И согревает. Благодаря свету растут цветы и деревья. Он пробуждает наши гормоны, питает наш организм. Без любви можно прожить, а без света – ни за что. Вообрази себе мир, где нет света, где человечество погружено в нескончаемый мрак. Вообрази – и тогда поймешь.

– Но ведь свет – это всего лишь свет, – задумчиво проговорил Ив.

– Нет. Свет – это все. А если сомневаешься, бери пример с подсолнуха: погляди, откуда идет свет, и обернись к нему.

Этот разговор обрел куда больше смысла после того, как три года спустя отец покончил с собой.

Из-за любви. Все то же исконное противоречие, свойственное всем отцам: они советуют сыновьям поступать так, а сами поступают совсем иначе.

И снова у него в голове прозвучали слова Жюля Крамера:

«Все мы гусеницы и можем, если повезет, превратиться в бабочек. А когда мы становимся бабочками, нам остается лишь расправить крылья и лететь к свету».

Ив Крамер погасил потолочную лампу и открыл окно, чтобы выпустить бабочку в ночь. Через мгновение он увидел, как она полетела на свет уличного фонаря, а потом он поднял глаза.

Полночь – холодно – восхитительное небо. Ученый думал: а ведь там, в вышине, есть великое множество мощных ламп, и они тоже могут заставить вращаться радиометры.

Вечная энергия.

8. Нагревающий свет

Из-за горизонта пробился луч.

Светало. Солнце взошло робко, не оттесняя облака.

Стояла весна, и природа спешила пробудиться.

Ив Крамер залпом выпил обжигающий кофе на балконе, оделся и принялся за работу.

Чтобы не вспоминать больше про ту автомобильную аварию, он решил с головой уйти в разработку космического проекта, связанного с фотонной энергией.

Отец умер – надо было найти его пояснительные записи. И он отыскал их в рукописных тетрадках – они были сложены в коробки из-под обуви и спрятаны в

шкафу на верхней полке, за лыжными свитерами. Их было довольно много – и вполне хватило бы на разработку полноценного проекта. Правда, он тут же пожалел, что так мало разговаривал с человеком, давшим ему жизнь.

С Жюлем Крамером. Рассеянным одиночкой-мечтателем. И таким же копушей.

Важные дела он отложил даже не на завтра и не на следующую неделю... а на следующую жизнь.

Об отце у него остались лишь обрывочные, едва ли не комичные картинки-воспоминания. Вот отец просит прощения у матери за то, что бросил цветное белье в стирку с белым. Вот отец просит прощения у тестя с тещей за то, что обидел их резким словом. Вот отец проигрывает бракоразводный процесс, оттого что опоздал в суд (в мастерстве проигрывать судебные дела он вообще преуспел). Вот отца, уважаемого инженера на авиационном заводе, выгнали с работы «за неспособность приходить вовремя на совещания». А вот отец волочится за какими-то совсем еще юными девицами, и те в конце концов его отшивают.

«А я не грущу: чем дальше, тем красивее девчонки, которые дают мне от ворот поворот», – шутил он.

Жюль Крамер дарил ему игрушечные электропоезда, пластмассовые модели самолетов, прототипы бензиновых автомобильчиков, подводные лодки на дистанционном управлении, сборные модели планеров из бальзового дерева и кусков клеенки.

Он помнил, в какой восторг приходил отец от всех этих игрушек, в которые готов был играть сам, причем с куда большей радостью, чем его сын.

Вспомнил он и наполненный гелием радиоуправляемый дирижабль с винтами. Эта махина, длиной два метра с гаком, не успели ее отпустить, тотчас взмыла ввысь, нипочем не желая слушаться управления, – и вскоре уже маячила высоко в небе крохотной сверкающей точкой.

А на другой день Жюль с гордостью поведал сыну, что объявились свидетели, которые уверяли, будто видели летающую тарелку с инопланетянами. Но Ив сразу смекнул: это был их дирижабль, потерявший управление из-за того, что

его недогрузили балластом.

Яблоко от яблони далеко не падает – ученый прекрасно понимал, что идет по пути своего родителя. Оставалось только пережить роковую любовь, наложить на себя руки – и полный порядок. Но зачем отец запрятал свой фотонный проект в ящике шкафа? Впрочем, ответ был ему известен; он был очевиден. Из гордости. Ему не хотелось стать простым воплощением отцовского разума. Ему хотелось избавиться от непосильного бремени непризнанного гения отца.

И вот понадобилась эта жуткая авария с Элизабет Мэлори, чтобы начать все сначала. Понадобилась эта ночная бабочка, чтобы вспомнить: у него самого есть великолепный проект, самый честолюбивый из всех, что проходили через его руки.

Он признал, что не придавал ему значения просто из тщеславия, словно боялся доставить радость отцу.

Но теперь другое дело.

Один в своей комнате, отгородившись от остального мира, Ив Крамер перерыл всю библиотеку Космического агентства и откопал схемы ранее разработанных опытных образцов челночных космических аппаратов на фотонной тяге. Был среди них и прототип тончайшего паруса из сверхлегкого материала – майлара, который можно было покрывать зеркальной краской, обладающей невероятной светоотражательной способностью. Толщина такого паруса составляла десятую долю толщины волоса.

Ученый вдруг понял: если эта система не сработала, значит, на кораблях с солнечными ракетными двигателями были установлены слишком маленькие паруса. Значит, и тяга была слабовата. По его прикидкам, площадь таких парусов должна составлять не несколько квадратных метров, а несколько десятков квадратных метров.

Ив Крамер принялся чертить схемы кораблей с солнечными парусами, оснащенными механизмами, с помощью которых их можно было бы легко ставить и с такой же легкостью разворачивать, натягивая шкоты.

Инженер иступленно работал не одну неделю – и в конце концов сотворил проект «СП», то есть «Солнечный Парусник». Вслед за тем он представил его начальству в Космическом агентстве.

Он защитил его перед Комиссией по оценке перспективных проектов, подчеркнув, что, по его мнению, приступить к постройке опытного образца можно уже сейчас.

Комиссия взяла полгода, чтобы подготовить свое решение.

Решение было отрицательным.

9. Золотые слезы

Рука тряслась.

Габриель Макнамара выпустил листок, и он плавно опустился наземь. Диагноз ясный и окончательный. Слишком поздно. Мультимиллиардеру, считавшемуся самым могущественным человеком на Земле, было всего лишь 53 года, а выглядел он много старше.

Надо сказать, что последние годы он чем только не злоупотреблял: алкоголем, наркотиками и особенно сигарами. Все имело свою цену. И цена эта, записанная на упавшем на землю листке бумаги, выражалась словами «рак легких». Габриель Макнамара глянул на себя в зеркало. Небольшой рост, светлые седеющие волосы, взгляд исподлобья, двухдневная щетина, роскошная кожаная куртка, модная широкая футболка, облегающая круглый живот, остроносые ботинки, бриллиантовый пирсинг в мочке уха, галстук из плетеной кожи – он походил на престарелого злобного спившегося рокера.

Габриель Макнамара всегда старался выглядеть модным.

Он заговорщически подмигнул себе и улыбнулся, сверкнув золотыми зубами. Он и сам был весь из золота, только что в этом проку? В пламени недуга золото плавится, как свинец. Ему казалось, что незачем было строить величайшую в

мире финансово-технологическую империю ради того, чтобы в конце концов оказаться больным, обреченным в скором времени на мучительные сеансы облучения и химиотерапии. Он лишится последних своих волос, зато обретет печальную улыбку, свойственную людям, сгорающим изнутри.

Где же он дал маху, если заслужил столь тяжкое наказание?

Габриель Макнамара подумал, что мир и впрямь жесток: не успеешь высоко взлететь, как тут же летишь вниз. Врачи предложили удалить ему одно легкое – то, где было больше затемнений, а он ответил – пусть его тело само борется с болезнью, а уж коль ему «суждено сыграть в ящик, значит, так тому и быть».

Поскольку четкого мнения на сей счет у врачей не было, а миллиардер славился тем, что впадал в ярость, играя на публику, они не настаивали – решили так: пусть обреченный отыграется напоследок на собственной шкуре. Тем же вечером, когда он узнал недобрую весть, Габриель Макнамара за обедом в кругу друзей изрядно набрался. Потом он развлекался с дорогущими девицами по вызову и в довершение накачался крутейшей наркотой, от которой напрочь сносило крышу и которая вызывала красочные галлюцинации.

На другое утро, осознав, что он по-прежнему жив и вернулся в действительность, Габриель Макнамара рассмеялся. Он хотел смерти, а смерть отринула его. Смех всегда рвался из него, точно из сифонной трубы, – безудержно. Габриель Макнамара прыскал, пыхтел, рыгал, потом, в конце концов, неизменно закашливался. И кашлял долго-долго.

Отсмеявшись наконец, откашлявшись и утерев слезы, он включил финансовый телеканал – там передавали новости.

В конце передачи ведущий перешел к разделу «занятные подробности в промышленной отрасли» и рассказал о том, что свернули проект какого-то инженера, вознамерившегося запустить не простую ракету, а настоящий космический парусник, приводимый в движение звездным излучением.

Габриель Макнамара был человеком суеверным и носил в кошельке талисман, а на шее – свиток с магической формулой, заклинанием. Он имел обыкновение наведываться к провидцам, медиумам и прочим астрологам. По его мнению, удача была составной частью установок, которые обязан был принимать в расчет

всякий крупный руководитель. И он следовал знакам судьбы.

Он считал, что решения приходят тогда, когда нужно.

Как ни странно – быть может, после того, как он узнал о скорой смерти, – этот проект космического корабля, приводимого в движение просто светом звезд, показался ему не чем иным, как знаком судьбы. Он был убежден, что услышал эту новость не случайно. Она была предназначена специально для него.

В конце концов, идея «запустить в космос солнечный парусник» казалась ему оригинальной и забавной. Он записал имя инженера, бившегося за свой необыкновенный проект, и взялся за телефонную трубку.

10. Испаряющееся золото

Встреча мечты с властью, то есть Ива Крамера с Габриелем Макнамарой, прошла на высоте – в смысле, на последнем этаже самого высокого в городе здания, которое так и называлось: Башня Макнамары. Небоскреб, весь позолоченный, доставал аж до облаков.

Там-то, в медленно вращающемся панорамном ресторане, освещенном бликами соседних зданий, ученый и развернул свои схемы. Он пояснил, что движение с использованием углеводородного топлива позволяет совершать лишь ограниченные космические полеты. А единственная неисчерпаемая энергия во Вселенной – свет. Энергия эта хоть и слабая, зато хватает ее везде, а, стало быть, космический полет может продолжаться сколь угодно долго, и брать с собой запасы топлива нет никакой нужды. Магнат полюбопытствовал, зачем нужно строить космический корабль для столь длительных полетов.

– Чтобы выйти за пределы Солнечной системы.

Габриель Макнамара не смог сдержать удивления, а потом почувствовал, что вот-вот рассмеется. Горловые мышцы, вместе с ротовыми, у него вмиг расслабились, и, к изумлению собеседника, он разразился громоподобным хохотом, какого тот еще никогда в жизни не слышал. Ему показалось, что

включилась электротурбина, все набиравшая обороты.

Магнат еще долго смеялся, потом, откашлявшись и взяв наконец себя в руки, попросил ученого изложить его теорию целиком.

И тогда Ив Крамер представил ему свой проект «СП», то есть «Солнечный Парусник».

Он расписывал огромный корабль, оснащенный гигантским парусом и способный достичь ближайшей звезды за пределами Солнечной системы. И там он надеялся открыть обитаемую планету.

Макнамара перестал смеяться. И только спросил:

– Другую обитаемую планету рядом с ближайшей звездой?.. М-да... И на каком же расстоянии находится эта ваша ближайшая звезда?

Ив Крамер знал цифры назубок.

– Ближайшая звезда с вероятно обитаемыми планетами в границах своей орбиты расположена примерно... в двух световых годах.

– Сколько же это будет в километрах? Простите, я меряю только километрами.

– Один световой год... км... свет перемещается со скоростью 300 тысяч километров в секунду – значит, чтобы получить один год, нужно помножить это на минуты, часы и дни, и тогда получается... км... (Он достал калькулятор.) Получается 9460 миллиардов километров.

– А каково общее расстояние, которое нужно пролететь, чтобы добраться до другой вашей Солнечной системы? – осведомился магнат, не скрывая своего нетерпения.

– Итак, чтобы получить расстояние до искомой ближайшей планеты, умножаем все это на два и получаем, скажем, приблизительно, 20000 миллиардов километров.

Магнат скорчил кислую гримасу.

– Всего ничего. Только прошу заметить, в ваших делах я мало что смыслю. Так какую же скорость развивает этот ваш солнечный суперпарусник?

– С такой, которая здесь, на Земле, соответствует в среднем двум миллионам километров в час.

Магнат недоверчиво нахмурил брови.

– Уму непостижимо. И вы уверены, что космический корабль способен достичь такой умопомрачительной скорости?

– Разумеется. Во-первых, когда какое-нибудь тело запускают в космос, оно не замедляется, а продолжает перемещаться с той же скоростью, что была задана ему изначально, при запуске. А торможения нет потому, что нет ни трения о воздух, ни гравитации. Шарик, катящийся по земле, тормозит под действием силы трения воздуха, силы тяжести. Но тот же шарик в безвоздушном пространстве космоса продолжает перемещаться с прежней скоростью, пока его что-то не остановит.

– М-да... выходит, поэтому астероиды и мчатся через Вселенную с такой дикой скоростью, хотя у них нет двигателя?

Ив Крамер был приятно удивлен таким замечанием – оно свидетельствовало о том, что эта тема заинтересовала его собеседника. И он с увлечением продолжал дальше:

– Верно. Помимо того, фотонная энергия имеет свойство накапливаться в космосе. Иначе говоря, энергия всех фотонов, улавливаемых парусами, собирается воедино, суммируется и все быстрее толкает наш корабль вперед. Таким образом, фактически он будет набирать ускорение постоянно.

– Это работает вблизи от солнца, но чем дальше, тем его излучение слабее, не так ли?

Инженер не ожидал, что магнат взглянет на проблему именно с этой стороны.

– Мы можем использовать излучение нашего солнца первую половину пути до следующей звезды, для разгона. В дальнейшем мы сохраняем достигнутую скорость и, управляя парусами, сможем увеличить ее, захватывая свет других ближних звезд. Я же сказал: наша энергия только суммируется и никогда не исчерпывается. Стало быть, в среднем 2 миллиона километров в час – цифра вполне реальная.

Магнат пристально взглянул на своего собеседника и пожал плечами.

– Прекрасно, только я, так уж вышло, люблю круглые цифры.

Он достал записную книжку, ручку из чистого золота и стал набрасывать цифры.

– Я тоже умею умножать. Итак, скорость корабля: 2 миллиона километров в час. В сутках у нас 24 часа – умножаем и получаем 48 миллионов километров в день, не так ли?

– Так.

– То есть где-то около 20 миллиардов километров в год.

Услужливый официант подал им ярко-красного вина с терпким запахом. Ученый отхлебнул чисто машинально. А промышленник понюхал вино, пригубил раз-другой и продолжал:

– Так вот, с учетом того, что расстояние до цели составляет 20000 миллиардов километров, а ваш парусник пролетает за год 20 миллиардов километров... тут и считать-то нечего... на весь перелет у нас выходит, гм, тысяча лет.

Ив Крамер не мог взять в толк, куда клонит магнат. Тот показал ему записную книжку с вычислениями. И ученый одобрительно кивнул.

– Выходит, целое тысячелетие. А человек в добром здравии способен прожить, кажется, лет сто. Как же вы намерены решить эту задачу, уважаемый господин Крамер? Может, с помощью гифернэции?

– Нет. Гиббернация тут не годится. Холод начисто разрушает клеточные ядра. Такую задачу, по-моему, можно решить «естественным» путем.

– Я весь внимание.

– На борту космического корабля должно смениться несколько поколений, – выложил он. – Женщины будут рожать детей, дети потом будут совокупляться и производить свое потомство.

Магнат раскурил сигару.

– И вы не боитесь наплодить кучу маленьких выроdkов? Впрочем, любовь между братьями и сестрами – не такая уж дикость с точки зрения генетики. Только было бы печально, если бы компания каких-нибудь умственно отсталых породила новое человечество на пригодной для жизни планете.

– А с чего вы взяли, что речь идет лишь об одной паре? Я думал взять побольше.

– Сколько же? Две? Три?

– ...Тысячу.

На сей раз Макнамара не мог скрыть раздражения.

– Тысячу космонавтов? Или тысячу мужчин и тысячу женщин?

– Тысячу мужчин и тысячу женщин.

Миллиардер выпустил облако сизого едкого дыма.

– Неплохая будет компания. И она поместится в одной ракете?

– Думаю, и сам корабль должен быть немаленьким.

Тут Габриель Макнамара подумал: может, этот инженеришка просто сумасшедший? Неужели он действительно верит, что из двух тысяч человек хотя

бы кто-то одолеет расстояние 20000 миллиардов километров? «Уж коль травиться, так до конца», – подумал он.

От никотина у него по спине пробежала легкая дрожь, нервы напряглись. Похоже, сужение кровеносных сосудов ускоряет мыслительный процесс.

Он рассудил так: «Я теряю время: раз уж этот проект зарубили его дружки-эксперты по Космическому агентству, значит, он и впрямь бредовый. Ну и черт с ним».

Миллиардер уже было собрался встать, но что-то его удержало. Наверное, состояние инженера. Обычно сумасшедшие действуют решительно. Этот же сомневался. А сомнение Макнамара считал знаком относительности восприятия мира. Ни в чем нельзя быть уверенным. Сомнениям подвержено всякое мыслящее существо. Потом, как человек суеверный, он всегда примечал знаки судьбы.

– Две тысячи космонавтов, мужчин и женщин, произведут на свет потомство, чтобы оно могло преодолеть 20000 миллиардов километров за тысячу лет. Понимаю, это... ну как сказать?... что-то новенькое. Но с учетом современных технологий, которыми мы располагаем, другого решения я не вижу.

– Надо увеличить либо скорость корабля, либо продолжительность жизни космонавтов, – подсказал Макнамара.

Магнат потребовал меню и предложил Кремеру выбрать себе что-нибудь из самых изысканных, а стало быть, самых дорогих блюд. Между тем из окон вращающегося панорамного ресторана уже было видно, как далеко внизу, на городских улицах образуются пробки, расцвечиваясь длинными гирляндами красных и белых огней.

– На разработку новых технологий может уйти уйма времени.

– Вы правы. Придется обойтись современными специальными познаниями, проверенными. Да и потом, я не люблю ждать. Сказать по правде, я не могу... «ждать».

Он еще раз пробежал глазами по цифрам в записной книжке.

– 20000 миллиардов километров. С учетом того, что каждое поколение рождается в среднем раз в 20 лет, у нас получается 50 поколений пассажиров, которые должны сменить друг друга на вашем корабле.

Лицо магната перекосилось, брови насупились.

– М-да... цифры огромные – впечатляют. Просто голова кругом.

– Да, выглядит устрашающе. Потому-то, как вам известно, эксперты из Космического агентства и завернули мой проект.

– Я видел все по телевизору, да только мне плевать на мнение ваших экспертов, я привык жить своим умом. Именно так я и создал свою империю – слушал себя, а не всяких там специалистов. Я поступаю так, как мне подсказывает чутье. Ну а принимая в расчет «астрономические» цифры, сколько, по-вашему, может стоить эта затейка?

Принесли блюда, накрытые серебряными крышками.

– Пока не знаю. Но, если угодно, завтра сообщу.

Официант разом снял обе крышки, открыв то, что находилось под ними. Воздух тотчас наполнился пряным ароматом.

– Seriously... Вас что, действительно заинтересовал мой проект «СП»? – спросил инженер.

Габриель Макнамара принялся за жареную птичку, которая как будто забарахталась в апельсиновом пюре, в то время как Ив Крамер взирал на лежащую перед ним серебристую рыбу, обрамленную желто-зелеными овощами.

– Почему бы и нет. Пусть это будет, скажем, «эксцентричной выходкой миллиардера». Люблю безрассудные сделки. Представьте мне смету – и за дело.

Ив Крамер поперхнулся.

– Шутите?

– Нет. Когда я был маленький, то все накопления спускал на красивые игрушки. И теперь вот, скажем так, мне захотелось купить еще одну. Потом, разве не забавно спасти человечество таким способом?

И тут он снова разразился своим громоподобным смехом. Иву Крамеру с трудом верилось, что его проект может и в самом деле осуществиться.

Магнат наблюдал за ним с легкой усмешкой. А потом предложил ему подкрепиться, пока содержимое тарелки не остыло.

– Всего лишь маленькая поправка: проект ваш называется СП, или «Солнечный Парусник», так ведь?

– Да. Проще не придумаешь.

– Мне бы хотелось, чтобы вы назвали его по-другому: «ПН».

– То есть?..

– «Последняя Надежда». Поскольку, как мне кажется, этот проект представляет собой нечто большее, чем просто прогулка к далеким звездам. Может, он наша последняя надежда. Слышали последние новости? (Взгляд миллиардера изменился.) Похоже, дело дрянь. Эта планета была нам колыбелью, но мы ее погубили. Нам ее уже не восстановить, она больше никогда не будет прежней. Когда рушится дом, нужно бежать. И начинать все снова в другом месте, и совсем иначе. Я действительно считаю, что «Последняя Надежда» – это... бегство.

Он произнес эти слова непринужденно, как какой-нибудь метеоролог, сообщающий о грядущем ненастье.

– А вы что думаете, господин Крамер?

– Ну что ж, возразить тут нечем, я полностью с вами согласен. И фактически могу повторить все слово в слово.

– В таком случае не будем молоть языком и займемся делом.

Ив Крамер сглотнул, все еще не веря своим ушам.

– Пусть будет «ПН», согласен, – проговорил он. – Однако с моей стороны тоже будет маленькая поправка. Есть у меня один долг. Пусть же этот проект поможет мне отдать его сполна.

– Слушаю.

– Наш корабль представляет собой солнечный парусник – парусное судно, что ни говори. Значит, нам придется лавировать, управлять парусами, делать повороты, как на настоящем паруснике. Поэтому... капитаном мне хотелось бы назначить одну мореплавательницу, заправскую морскую волчицу. Я уже присмотрел такую. Чемпионку. Лучшую из лучших.

11. Первое горнило: тигель

Газета смята и комком отправлена в мусорное ведро.

В одной из статей, напечатанной в той самой газете, говорилось о полной деградации бывшей чемпионки по парусному спорту, превратившейся из альбатроса, парящего над гребнями волн, в овощ на колесиках.

Ив Крамер понимал, что не может обратиться напрямую к Элизабет Мэлори с предложением о сотрудничестве. Так что разговор с нею он отложил, а пока решил создать свой собственный научно-исследовательский центр: «Последняя Надежда». Оборудовали его в подвалах Башни Макнамары. На первых порах оба компаньона все держали в тайне, чтобы не стать посмешищем и чтобы никто не смог позаимствовать их проект. Взяв как-то Ива за плечо, миллиардер сказал:

– Всякому, кто берется за что-то новое, приходится иметь дело с врагами трех видов. Во-первых, с теми, кто считает, что нужно делать все по-другому. Во-вторых, с теми, кто хочет делать то же самое и думает, что вы украли у них задумку, – такие только и ждут удобного случая, чтобы вас раздавить и присвоить вашу идею. И в-третьих, с теми – а их целая куча, – кто плюет в потолок и воспринимает в штыки любые перемены, любые оригинальные новинки. Таких большинство, и чаще всего они-то и стараются вставить вам палки в колеса.

Ив Крамер уволился из Центра космических исследований и начал переманивать к себе самых даровитых из бывших своих сослуживцев.

В научно-исследовательском центре «ПН» мало-помалу накапливались чертежи и схемы. Поначалу их было пять, а вскоре стало два десятка, и на всех были представлены порожденные воображением их авторов планы совершенного солнечного парусника.

Однако, поскольку буквосочетание «ПН», а вернее, словосочетание «Последняя Надежда» не вселяло оптимизма, разработчики решили сохранить самое название проекта, а корабль, по предложению Ива Крамера, переименовать в «Звездную Бабочку».

В таком же творческом порыве они придумали для своего проекта и эмблему в виде серебристо-голубой бабочки в обрамлении трех звезд на фоне космического мрака.

Чем дальше продвигался проект, тем яснее разработчики понимали, что они просчитались и с размерами корабля, и с числом пассажиров. Главному инженеру пришлось доложить спонсору, что цифры придется пересмотреть в сторону повышения. Корабль должен быть больше, намного больше. И вместимостью не две тысячи, а десять тысяч пассажиров. Что же касается майларового паруса, площадь его должна составлять несколько сотен квадратных метров.

Другие инженеры не видели в том никакой беды, благо выделенных вскоре дополнительных средств с лихвой хватало на то, чтобы позволить себе внести необходимые доработки.

Название «Звездная Бабочка» тоже годилось как нельзя лучше, тем более что теперь изображенный на схемах корабль по форме и правда походил на гигантское насекомое.

Он был оснащен парой громадных треугольных парусов, сходящихся на широченной груди, в носовой его части выступала огромная «голова» с двумя круглыми прозрачными «глазищами» – фонарями кабин пилотов. А сзади, в брюшном отделе, помещались продолговатые реактивные стартовые двигатели.

Когда Ив Крамер счел, что проект наконец доведен до ума, он решил связаться с Элизабет Мэлори. Через свою помощницу – Сатину Вандербильд.

Он понимал, что сможет заручиться согласием молодой женщины, только если ему удастся увлечь ее своей мечтой. Он надеялся, что у его помощницы найдутся для этого убедительные доводы. Очень надеялся. Ей предстояло стать его ударным кулаком.

12. Тяжкое утро

Когда Сатина Вандербильд встретилась с Элизабет Мэлори, та только-только оправилась после очередного приступа депрессии.

Цвет ее глаз изменился – из бирюзовых они превратились в блекло-серые, зрачки от постоянного приема транквилизаторов и алкоголя были чуть расширены.

В гостиной, заваленной бесполезными силовыми тренажерами, громоздился широкоэкранный телевизор, настроенный на новостной канал.

Диктор сообщал о вспышке эпидемии смертельно опасного гриппа, передающегося от перелетных птиц. Назвал он и число жертв – на сегодняшний день оно составило около полусотни умерших, – после чего уточнил: по результатам первичных анализов, этот грипп мутировал в условиях интенсивного птицеводства. Ускоренный цикл смены дня и ночи, чрезмерное использование гормонов для повышения преждевременного роста якобы и стали причиной возникновения означенной болезни. Пока что грипп поразил всего

лишь несколько человек, находившихся в постоянном контакте с домашней птицей, однако ученые предсказывают, что вирус способен мутировать, и в таком случае он сможет передаваться не только от птицы человеку, но и от человека человеку. В настоящее время никаких вакцин и лекарств против него не существует. Те же ученые полагают, что вспыхнувшая эпидемия может унести жизни сотен миллионов человек.

Элизабет все время чувствовала себя разбитой. На самом деле ей хотелось заснуть и больше никогда не проснуться.

Она плеснула себе изрядную порцию виски, бросила в стакан несколько таблеток, все это проглотила, поморщилась, нервно закурила. И поглядела на чудную блондинку, учтиво попросившую ее о встрече и сидевшую в безмолвном ожидании в ее кресле.

– Проект космического парусника? Зачем? Для гонки? Космической регаты?

– Нет, не совсем. Скажем так: для исследований.

Блондинка говорила спокойно.

Элизабет оценила ее стиль: разноцветные кофточки, надетые одна на другую, побрякушки в форме зверушек. В ушах – длинные сережки с бабочками на концах.

– Вы ошиблись адресом. Я не космонавт, а шкипер.

– Нам как раз и нужен, с позволения сказать, «звездный шкипер».

На сей раз Элизабет рассмеялась скрежещущим смехом.

– Вы что, слепая? Я же калека. У меня ноги не ходят. Похоже, вас обманули.

Она уже вскинула руку, давая понять, что хочет остаться одна, и указывая на выход.

Сатина Вандербильд сделала вид, что не поняла ее настойчивого жеста.

– Нас интересует не ваша физическая форма, а умение управлять парусами. Наш космический парусник, по сути, тот же морской корабль, только в движение его приводит не ветер, а свет.

Помощнице не хотелось возвращаться ни с чем к новому патрону. Элизабет чувствовала отвращение ко всему на свете, да и способности удивляться у нее поубавилось. Теперь ее куда больше заботила собственная беспомощность.

Сатина подумала, что ей нужна добрая встряска, и сообщила, что этот проект возглавляет Ив Крамер.

Результат оказался потрясающим.

Лицо у покорительницы морей вмиг исказилось.

– Как он смеет? – исторгла она.

– Это был несчастный случай. Без всякого злого умысла с его стороны. Ярость ослепляет вас. Он пытался извиниться и вот теперь хочет все уладить. Проект «Последняя Надежда» – величайшее устремление, похлеще простого космического полета. Ив Крамер намерен спасти человечество.

– Убирайтесь немедленно!

Сатина Вандербильд встала, выхватила из рук Элизабет пульт от телевизора и прибавила звук так, что впору было оглохнуть.

Меж тем диктор сообщал о попытке массового убийства, предпринятой фанатиком-смертником в какой-то школе. На экране мелькали окровавленные тела десятков детей на носилках и в черных мешках.

– Неужели вы питаете к Иву больше злости, чем ко всему этому?

– Что с вами? Убавьте звук! У меня уши вот-вот лопнут!

Элизабет Мэлори попыталась вырвать у нее пульт, но незваная гостья отошла на порядочное расстояние.

Теперь какой-то журналист вел прямой репортаж с торжеств, охвативших многие столицы соседних стран, где чествовали благородную жертву – того самого смертника. Толпы народа, вооруженные ручными пулеметами, палили в воздух, потрясая фотопортретами человека, который взорвал себя в той школе. Они радостно выкрикивали его имя. Обозреватель сообщал, что во время «манифестаций солидарности» в соседних столицах двадцать три человека из числа демонстрантов пали жертвами шальных пуль, выпущенных бесчинствующими гуляками, или были раздавлены толпой.

– Сделайте потише! Вы не имеете права! Я вызову полицию!

Тем временем диктор, чье загримированное лицо расплылось на весь огромный настенный экран, с улыбкой вещал:

«...призвал верующих к тотальной войне. Он заклинал матерей послать своих детей взрывать себя вместе с бомбами во имя святого дела. Процессия из матерей уже вылилась на улицу, выкрикивая религиозные лозунги и обещая нарожать еще больше детей, будущих героев-мучеников...»

Элизабет кое-как выбралась из своего кресла, перевалилась в инвалидную коляску и покатила за незваной гостьей, отнявшей у нее пульт. Ей удавалось нагнать ее, но всякий раз, как только она пыталась ухватиться за пульт, та уворачивалась.

– ЧТО ВАМ НУЖНО?!

– Помогите нам с проектом «Последняя Надежда».

– САМИ УПРАВИТЕСЬ, БЕЗ МЕНЯ! – вопила Элизабет Мэлори. – ШКИПЕРОВ КРУГОМ УЙМА! К НИМ И ОБРАЩАЙТЕСЬ! И ВСЕ ОНИ НА НОГАХ!

Сатина Вандербильд наконец сообразовала приглушить звук.

– Не ради себя – ради него. Ив Крамер придумал проект и взвалил его на свои плечи. Все зависит от него, от его творческой мысли, гения. Он должен работать головой. А это ему не под силу, потому что он чувствует себя виноватым перед вами.

– Я НИКОГДА ЕГО НЕ ПРОЩУ! ОН РАЗРУШИЛ МОЮ ЖИЗНЬ!

Сатина снова включила телевизор на полную громкость.

– ПРЕКРАТИТЕ! Я ВЫЗОВУ ПОЛИЦИЮ!

Элизабет в бешенстве покатила в коляске к телефонному аппарату. Но не успела схватить трубку, как незваная гостья вырвала провод из розетки.

Бывшая чемпионка бросилась за ней вдогонку – и, уже почти догнав ее, выскочила из коляски. Но Сатина опять увернулась – Элизабет рухнула на ковер и поползла, точно зверь с перебитым хребтом.

И снова в телевизоре замелькали непрерывной чередой шокирующие новости-картинки. В этот раз на экране полыхал лесной пожар. Сотни гектаров охваченных пламенем сосняков озаряли комнату оранжевыми отсветами под треск лопающейся от жара коры. Пожарный докладывал, что на местах были обнаружены «зажигалки», что налицо злой умысел и что он подозревает в нем подрядчиков, которые намеревались таким образом заполучить землю под строительство загородных домов. Телекамера выхватывала обширное черное облако, затягивавшее небо над горящим лесом и наполнявшее воздух темно-серым пеплом.

Телевизор по-прежнему орал так, что стены дрожали. Жильцы сверху уже колотили швабрами в пол, призывая соседку снизу убавить звук.

Устав ползать, Элизабет примирительно махнула рукой. Сатина сделала тише.

– Что вам нужно, в конце-то концов? Крамеру мало было перебить мне ноги, так теперь он решил доконать меня с помощью своей подручной?

– Проект называется «Последняя Надежда», – повторила Сатина вместо ответа.

– Что-то я вас никак не пойму.

– А корабль называется «Звездная Бабочка».

Сатина разложила схему, на которой были изображены два больших треугольных паруса, сходящихся на махине, похожей на длинную ракету.

Элизабет схватила схему и разорвала ее в клочья.

– Знаете, кто вы? – решительным тоном проговорила помощница. – Эгоистка. Вы только о себе и думаете. Вы были эгоисткой уже тогда, когда в одиночку бороздили моря и океаны. И на всяких знаменитостей вы вешались не ради удовольствия. Ведь ни в одном вашем поступке нет ни капли любви, ни грана благородства.

– Вам не за что меня судить. А вот вашего начальничка судили. Потому что преступник – он. И теперь вы явились, чтобы поизмываться над его жертвой. Он поплатится и за это. Не успеет за вами захлопнуться дверь, как я позвоню моему адвокату – и тогда вы обо мне услышите. Вам тоже придется заплатить за ваше бесцеремонное вторжение.

Сатина снова прибавила звук.

«...дело о педофилии. Подозреваемый похищал детей и держал под замком в подвале, а потом продавал богатым извращенцам для удовлетворения их низменных влечений...»

– ХВАТИТ! ДОВОЛЬНО!

«...После того, как он был задержан, его жена, которая иногда оставалась в их загородном доме одна вместе с детьми, запертыми в подвале, призналась, что слышала, как они плачут, но не хотела вмешиваться. Она решила – пусть они умрут с голоду в заточении...»

– ПРЕКРАТИТЕ! СЛЫШАТЬ БОЛЬШЕ НЕ МОГУ!

Сатина убавила звук.

– Ненавижу вас. Вы поплатитесь за это.

– Даже в гневе, как я погляжу, вы показываете свое непомерное эго. Неужели вы вообще неспособны думать о других? Спасение человечества – неплохой проект, верно?

– Плевать мне на человечество! Пусть подыхает!

Она схватила стакан и, собравшись с силами, швырнула его в блондинку. Но та пригнулась, и стакан разбился о стену.

– Проект финансирует Габриель Макнамара, и он, хоть и миллиардер, вовсе не эгоист. Он думает о других. Тогда как вы, хоть и калека, печетесь только о своей шкуре.

Покорительница морей стихла, а потом снова разразилась проклятиями.

– Зачем вы пришли – поиздеваться надо мной?

В голове у Сатины Вандербильд вертелась лишь одна мысль... Сейчас или никогда.

– Чтобы вас спасти, – тихо проговорила она.

Элизабет, не веря своим ушам, воззрилась на блондинку, державшую пульт от телевизора так, будто это был пистолет.

– Человека бесполезно убеждать жестокими словами и угрозами. Во всяком случае, меня.

Забыв про телефон, Элизабет потянулась к бутылке и, плеснув в стакан коричневой жидкости, одним махом подхватила пригоршню таблеток.

Сатина вдруг вырвала у нее бутылку и так же резко швырнула ее в телевизор.

– Соне пора просыпаться.

Элизабет больше не решалась бросаться на нее и, переменившись в лице, рассмеялась сдавленным, нервным смехом, переросшим во всхлипывания.

– Уже слишком поздно...

– Ничего не поздно.

– Вам не понять, со мной все кончено. Ваш начальник погубил меня. И теперь прислал вас, чтобы добить окончательно, так ведь?

– Я не желаю вам ничего плохого. Напротив. Я могла бы вернуться к нему и сказать, что у меня ничего не вышло, вы пили бы себе дальше, и все осталось бы, как прежде. Но я упрямая. Хоть и рискую попасть под суд за бесцеремонное вторжение. Порой, чтобы сделать людям добро, приходится пренебрегать их желаниями. Приезжайте к нам в центр. «ПН» и для вас последняя надежда. Вы нужны нам так же, как и мы вам. Покажите, как управляться с солнечными парусами «Звездной Бабочки»! А если вам так уж противен Ив Крамер, что ж, вы его и не увидите. Важно, чтобы вы тоже приложили руки к проекту, так или иначе. Если завтра вы не появитесь у нас в конторе, я решу, что вы упустили свой шанс и так и остались... размазней.

Вслед за тем Сатина Вандербильд ушла и хлопнула дверью.

13. Сера и огонь

Элизабет Мэлори не появилась ни завтра, ни послезавтра.

Не стала она и подавать в суд на Сатину Вандербильд.

Между тем помощница руководителя проекта понимала, что время работает на них. Ив Крамер ужасно огорчился тем, что все так вышло. Он даже серьезно подумывал бросить проект «Последняя Надежда».

Он знал: когда его одолевают сомнения, лучше включить телевизор и посмотреть последние новости, чтобы лишний раз убедиться – строить «Звездную Бабочку» необходимо.

Всюду сера и огонь.

Ив Крамер вспомнил, как однажды поспорил с отцом. Он спросил его:

– Зачем нужны страдания?

– Чтобы изменить свое поведение, – отвечал Жюль Крамер. – Чтобы отдернуть руку от огня, нужен раздражитель – боль. Есть даже такая болезнь, когда люди, страдающие от нее, перестают ощущать боль. Они понимают, что поранились, только когда обращают на это внимание. Они могут держать руку на раскаленной плите до тех пор, пока не почувствуют запах горелой плоти. Люди, страдающие невосприимчивостью к боли, часто умирают молодыми.

При этом у отца был такой самодовольный вид, с каким он обычно рассказывал о каких-нибудь гадостях.

Ив Крамер вспомнил, как испугался, услышав про столь занятный случай. Он никогда и представить себе такого не мог.

Тот, кто не чувствует боль, способен убивать.

Вкусив еще каплю-другую страданий, которыми наполнились последние новости, испив эту кровавую чашу и словно пресытившись, он с головой ушел в работу.

Сатина Вандербильд оказалась сотрудницей старательной и на редкость общительной. Когда Иву требовалось что-то узнать, молодая женщина тащила целую кипу всяких бумаг. Когда Иву был нужен новый инженер, Сатина умудрялась откопать самого способного. Когда Ив забывал о назначенной встрече, она шла вместо него. Когда он невзначай что-нибудь ломал, она чинила.

Сатина Вандербильд обладала чутьем на людей и умела их увлекать. Утром она приходила на работу всегда первая и самая последняя запирала двери сектора «Последняя Надежда» в Башне Макнамары.

– Я вам говорю, в один прекрасный день Элизабет будет наша, – заявила она Иву Крамеру, когда они обедали вместе в панорамном ресторане на последнем этаже башни.

– Нет. Уже не верю, – отвечал инженер, оттирая соус, который он пролил себе на куртку.

– Я взяла на себя ответственность, – призналась она, – и приставила к ней частного детектива. Так что теперь получаю ежедневные отчеты о том, как ей живется. Она там объедается, лопают таблетки и пьет запоем.

– Полагаете, это должно меня как-то утешить?

– Конечно. Она топит себя. А когда опустится до самого дна – всплывет. Подождем немного, пусть себе тонет, пока не проснется инстинкт самосохранения. Сейчас лучший способ ей помочь – заставить ее обжираться, упиваться и все глубже уходить в депрессию.

В тот вечер Ив Крамер попробовал поцеловать Сатину, когда провожал ее домой, но она учтиво уклонилась.

– Вам нужна женщина не такая, как я, – сказала она. – А такая, как Элизабет. Знаю, это нелегко говорить, но я не хочу быть временной подружкой. Подождем. Интересные вещи случаются не сразу. Ее депрессия похожа на линьку. Она меняет шкуру. Как гусеница, которая превращается в бабочку. Ведь не случайно, как мне кажется, мы выбрали этот символ.

Она по-матерински погладила Ива по щеке и поцеловала в лоб.

– Откуда у вас такое имя? – любопытствовал он, решив сменить тему разговора.

– Кажется, когда я только-только появилась на свет, моей матери дали сатиновую тряпицу, чтобы меня запеленать.

Ив Крамер ощутил смутную боль: чувство вины за страдание, которое он причинил другому человеку, смешалось в нем с досадой от того, что его

отвергли, и со страхом перед тем, что его проект летит к черту.

Ива Крамера терзало и другое странное ощущение: ему казалось, будто мир вокруг был отражением его внутренних переживаний.

Он смирился с этим. Решил, что, как только у него отляжет от сердца, он обретет полную гармонию.

И во всем мире наступит покой.

14. Живительная соль

Бесформенная куча.

Видеокамеры на входе выхватили закутанную в одеяла скрюченную фигуру в кресле на колесах.

Охранник подумал, что это, должно быть, мать какого-нибудь инженера, и нерешительно открыл двери.

Фигура проехала вперед в своем широком инвалидном кресле, вполне подходившем ей по размерам.

На входе сидящую в кресле никто не признал, но Сатина кинулась встречать гостью, выказывая ей знаки высочайшего почтения, которого она заслуживала. Секретари помогли провезти ее по коридорам центра.

Сатина пригляделась к ней. Со дня их встречи, несколько месяцев назад, лицо ее изменилось, под глазами, впавшими в темные глазницы, обозначились круги, щеки заметно округлились, волосы, некогда пышные, потускнели и как будто слиплись.

Оплывшая дама в кресле-каталке, опекаемая множеством людей, являла собой странное зрелище.

Элизабет Мэлори была не в духе. Казалось, что она прибыла сюда против своей воли.

Сначала, прежде чем согласиться на предложенную работу, она выдвинула кучу условий и запросила непомерное жалование. А в трудовом соглашении оговорила, что не должна видеть Ива Крамера, равно как и встречаться с ним.

Наконец она потребовала, чтобы за счет проекта «Последняя Надежда» ей оплатили курс детоксикации, лечение избыточного веса и сконструировали систему доступа к ее кабинету в обход лестниц.

Все условия были приняты.

– И предупреждаю, – бросила она, тыча пальцем в Сатину, – если господин Крамер попытается приблизиться ко мне, я расторгну все договоренности и потребую солидную компенсацию.

– Это прописано в договоре. Добро пожаловать в нашу команду, Элизабет! Надеемся, что этот проект даст вам то же, что и всем: последнюю надежду.

Бывшей чемпионке хоть и показалось, что молоденькая помощница подтрунивает над ней, в ее глазах она прочла уважение.

Элизабет Мэлори оборудовала учебный класс по солнечной навигации. С помощью других шкиперов, среди которых оказалось несколько ее бывших достойных соперников, она в конце концов увлеклась своим новым делом. Ей казалось, что она решает те же задачи, что и капитаны первых парусников: как маневрировать, как натягивать парус, чтобы правильно захватывать вектор силы, направленный сбоку, сзади и под косым углом, как улавливать порывы звездного ветра.

В конечном счете бывшая чемпионка и ретивая помощница подружились. Сатина избегала запретной темы, касавшейся ее начальника.

И Элизабет была ей признательна за это.

Они говорили о разном: о здоровье, о предсказуемости в поведении мужчин, о моде, об атмосфере в центре «ПН».

Капитан считала стаканы выпитого ею алкоголя и лекарств, килограммы сброшенного веса и выкуренных сигарет, стараясь сокращать все это постепенно, с каждым днем.

Ив Крамер, окрыленный присутствием Элизабет, переживал творческий подъем. Он думал, что единственный способ заслужить прощение своей жертвы – это успех их общего дела. И, возможно, ее личная победа.

Понятно, он старался держаться на почтительном расстоянии от молодой шкиперши, даже избегал малейшей возможности попасть в ее поле зрения. Иногда он наблюдал за нею издали – и всякий раз испытывал облегчение.

Она с нами.

Ив Крамер стремился к успеху. Хоть и не так рьяно, как Габриель Макнамара, который на каждый финансовый запрос с готовностью выделял дополнительные субсидии, лишь бы дело продвигалось все быстрее.

Однажды миллиардер собрал всю команду «Последней Надежды» в просторном конференц-зале и, справившись, как идут дела, резко сказал:

– Почему тянете канитель? Почему копаетесь? По-моему, вы тут ни на что не способны, с такими-то результатами. К тому же вас отвлекает городская суматоха. В общем, я распорядился построить частный «загородный» центр. Приглашаю всех туда завтра же. Посмотрите, обстановка там довольно... непривычная.

15. Второе горнило: печь алхимика

Насколько хватает глаз – ничего.

На самом деле «загородный» означало «захолустный». Свежестроенный центр располагался в двухстах километрах от столицы, посреди необозримой пустоши. Туда вела запыленная грунтовая дорога, пролегавшая сначала вдоль возвышенности, а потом тянувшаяся вверх – на голую, засушливую, слегка вогнутую равнину. Оказавшись в глубине этой естественной впадины, человек чувствовал себя вдали от всего: ведь ближайшее жилище располагалось в нескольких десятках километров.

Ив Крамер и Габриель Макнамара катили в огромном позолоченном лимузине. Миллиардер велел шоферу объехать все корпуса, чтобы показать инженеру свои задумки. Он достал небольшой план.

Комплекс центра «Последняя Надежда» имел форму буквы «Т».

В правом плече буквы «Т» помещался сектор «Научные исследования и управление», с производственными отделами и ангарами, а также крупное здание под вывеской «ПРОИЗВОДСТВО».

На конце левого плеча размещалась зона «Проживание и досуг» – она представляла собой настоящую маленькую деревню с отдельными коттеджами, главной площадью, рестораном, спортивными площадками и залами.

В довершение всего под основанием ножки буквы Т простиралось громадное поле, называвшееся, судя по вывеске, «КОСМОДРОМ». Он вмещал в себя ракетную стартовую площадку и пункт «УПРАВЛЕНИЕ ЗАПУСКАМИ».

Вдоль поля с одной стороны громоздились какие-то постройки – должно быть, склады для хранения всякого оборудования и цистерн с топливом.

Габриель Макнамара подал шоферу знак остановиться. Когда пыль улеглась, они вышли из машины.

– Ну как, Ив, нравится?

У них за спиной, на стоянке, парковались автобусы с остальными восьмьюдесятью восемью участниками проекта.

– Где это мы?

Габриель достал сигару, откусил зубами кончик и выплюнул его на землю.

– Официально это место называется «Клуб любителей ракетных запусков» для развлечения моих заводских рабочих.

Инженер заметил антенны радиотелескопа, купол обсерватории и радиолокаторы.

– По крайней мере, здесь вам будет просторно, и вы сможете спокойно работать, – прибавил миллиардер.

Между тем вокруг собрались и другие инженеры с чемоданами, как какие-нибудь туристы, прибывшие на отдых. День был солнечный – все достали солнцезащитные очки.

Сатина начала перекличку, и каждый получил ключи от своего личного коттеджа.

Ив Крамер вдохнул воздух захоластья. У него возникло предчувствие, что здесь должно произойти что-то невероятное.

16. Стадия легкого обжига

Четыре. Три. Два. Один...

Огонь!

Реактивные двигатели воспламенились, выбрасывая клубы желто-оранжевого газа.

Запуск первого опытного образца ракеты «Звездная Бабочка», в уменьшенном виде, состоялся зимней ночью.

Полку участников проекта прибыло. Теперь в Центре постоянно трудилась добрая сотня сотрудников.

«Звездная Бабочка-I», маленькая ракета метровой высоты, медленно поднялась в небо.

Люди в белых халатах не отрывали тревожных взглядов от экранов внутренних и наружных пультов управления, от телескопов и радиолокаторов.

Набрав порядочную высоту, ракета стала разворачивать солнечный парус. Но не успел он расправиться и наполовину, как майларовая ткань свалялась – и его заклинило.

Ив Крамер в тревоге кусал губы.

Бабочка, расправь свои крылья и лети себе к свету.

Элизабет напрасно маневрировала шкотами, соединенными с электродвигателями дистанционного направления – парус походил на мокрую скрученную тряпку.

Инженерам пришлось запустить процесс самоликвидации. И «Звездная Бабочка-I» взорвалась, полыхнув крохотной вспышкой в безоблачном небе.

Разочарованию не было предела.

Сатина Вандербильд полагала, что они пороли горячку.

А Габриель Макнамара решил, что в проект было вложено недостаточно средств.

Элизабет Мэлори считала себя неумехой.

Посоветовавшись с другими инженерами, Ив Крамер пришел к такому заключению: чтобы впредь подобные аварии не повторялись, необходимо заново продумать всю конструкцию космического корабля. Надо было добавить двигателей и шкотов для управления парусом. Это, в свою очередь, означало,

что потребуется больше энергии, чтобы запустить все двигатели. Стало быть, будут нужны и дополнительные солнечные батареи или топливные баки. Таким образом, корабль должен стать длиннее.

А чтобы такой огромный корабль мог двигаться, понадобится и парус побольше.

После столь сокрушительного провала капитан решила отправить электронное письмо Иву Крамеру. С одной-единственной фразой: «Не будем терять надежды». Инженер истолковал ее двояко: 1) Не теряйте надежды – следующий запуск «Звездной Бабочки» пройдет успешно. 2) Не теряйте надежды – когда-нибудь я вас прощу.

Этих слов ему хватило, чтобы забыть о неудаче. Всю ночь просидел он под куполом обсерватории, прильнув глазом к телескопу и вглядываясь в звезды.

Вдруг на фокусировочное колесо телескопа села ночная бабочка.

– Привет, папа, – прошептал он. – Сегодня я дал маху, но руки не опустил.

Бабочка все так и сидела, словно чего-то ждала.

Ив Крамер поднес к ней руку, она села на указательный палец и немного проползла вперед, как бы осваивая новую территорию.

Инженер неспешно приблизился ртом к бабочке и, изловчившись, поцеловал ей крылышки – в ответ насекомое лишь медленно пошевелило ими.

В конце концов ночная бабочка улетела, скачкообразно взмывая ввысь в свете круглой, полной луны.

17. Увеличение доз

В небе, пронзительно крича, кружил сарыч.

После первого неудачного пробного запуска проект «ПН» вступил в новую стадию. Первым делом увеличили численность технических работников. Помогать Иву Крамеру взялись специалисты в области космических полетов со всех стран. Деньги миллиардера открывали все двери – оригинальная идея только подогревала энтузиазм посвященных.

Расширился и сам центр «ПН», а деревня, где постоянно проживали ученые и штурманы, приросла улочками, обрамленными частными коттеджами, с бассейном, амфитеатром и библиотекой по соседству.

Вдали от больших городов инженерам казалось, что они оторваны от мира. Необходимость соблюдать секретность не позволяла им видаться с родными и близкими – многие разводились и создавали новые семьи с коллегами.

Только телевизионные новости напоминали им о том, в каком мире они живут.

Ив Крамер пересмотрел все расчеты в сторону повышения: паруса должны были стать больше, корабль – длиннее, да и число пассажиров предполагалось увеличить.

По новым расчетам, космонавтов требовалось много больше, чтобы они могли передать эстафету будущим пятидесяти поколениям космических путешественников.

Изучив новую модель корабля, рассчитанную на 100 тысяч космонавтов и оснащенную парусом площадью 40 тысяч квадратных километров, Габриель Макнамара не удержался и высказал то, о чем уже думали многие:

– Да вы строите не корабль... а целый космический город.

Слова миллиардера попали в точку и глубоко засели в голове у инженера.

...космический город.

Теперь он смотрел на стоявшую перед ним задачу совсем по-иному.

Не корабль – летающий город.

Не расставаясь с мыслью, которую внушил ему Макнамара, основатель проекта решил обратиться к специалисту, знающему, что такое жизнь в замкнутом пространстве.

18. Элемент земля

Рука коснулась земли.

Затем зачерпнула пригоршню песка, поднесла ее к ноздрям, и они втянули в себя ее запах. Потом землю попробовал на вкус рот.

– Немного кисловато, но ваши деревья здесь, похоже, прижились, не так ли?

Ив обвел взглядом коттеджный участок, украшенный высокими оливковыми, фиговыми деревьями и акациями.

Новоприбывший гость бросил в рот щепотку песка, проглотил, покачал головой и высыпал остаток песка в то место, откуда его взял, будто испугавшись, что потревожил землю.

– А поливаете их вы водой из подземного трубопровода, верно?

Адриен Вейсс был биологом и психологом. Когда-то он прославился тем, что смог создать в пустыне огороженный опытный участок и воспроизвести там полный экологический цикл.

Проект «Аквариум-I» финансировался отчасти Министерством научных изысканий и отчасти промышленниками. Среди последних был и Габриель Макнамара.

Ив хорошо помнил проект «Аквариум-I», о котором так много писала пресса.

В большом здании, наглухо запечатанном, чтобы внутрь не попадали ни воздух, ни свет, ни влага, ни животные организмы, Адриен Вейсс установил источник

искусственного света, а именно неоновую батарею.

Затем он натаскал в «Аквариум-1» земли, провел туда воду, посадил там траву и деревья, запустил туда же насекомых, рыбу, млекопитающих и там же, наконец, поселил людей.

Вся система саморециркулировалась. Почвенные бактерии поглощали испражнения и трупы, перерабатывая их в микроэлементы, питавшие растения, которыми, в свою очередь, питались травоядные, которых вслед за тем поедали хищники. Когда же хищники умирали, экологический цикл повторялся снова и снова.

«Аквариум» Адриена Вейсса проработал целый год без всякой связи с внешним миром, в проекте были использованы сотня человек, сотня коров, сотня коз, тысяча кур и тысяча рыб. Впрочем, эксперимент можно было бы продолжить, если бы те сто человек в конце концов не перессорились между собой.

Один из них даже стал выдавать себя за духовного учителя, придумал свою собственную религию и пытался распространить ее на весь Аквариум. Кончилось же все тем, что его товарищи разделились на неверующих и адептов новой веры.

Когда от гонимых неофитами поступил сигнал бедствия, пришлось открыть двери и всех выпустить, пока дело не кончилось совсем плохо.

Впрочем, история имела свой конец – в виде суда за взаимное нанесение побоев и увечий, словом, за жестокое обращение с заложниками и пленниками как с одной, так и с другой стороны.

Зато теперь Адриен Вейсс обладал уникальным опытом всеобщего управления жизнью в замкнутом пространстве, что, собственно, и заинтересовало нашего инженера.

Ив Крамер проводил его к себе в кабинет, заставленный макетами и заваленный чертежами. Гость носил маленькую, аккуратно подстриженную бородку, очки в золотой оправе, просторный красный хлопчатобумажный свитер и кулон в виде яйца из прозрачного стекла.

Приглядевшись, инженер узнал в яйце модную научную безделушку под названием «микромир» – он-то и был символом проекта «Аквариум».

Внутри игрушечного яйца помещались воздух, вода и песок. Из песка торчал кусок коралла, вокруг плавали крохотные креветки и водоросли. Креветки поедали водоросли, а их испражнениями питались кораллы – они же фильтровали воду, а вода питала водоросли. Вот вам полный цикл. Целый воздушно-минерально-растительно-животный мир. Все взаимосвязано и взаимодополняюще.

Наглухо замкнутые, запечатанные микромиры способны существовать многие годы без малейшей внешней потребности в сырье, воде и воздухе.

Адриен с любопытством разглядывал плакат над рабочим столом инженера. На нем была изображена банка, заполненная рыбешками так плотно, что между ними не было видно ни малейшего зазора. Одна рыбешка, выскочив из битком набитой банки, собиралась перепрыгнуть в стоящую рядом банку, наполненную только прозрачной водой.

– Как видите, мне тоже близка тема аквариумов, – сказал Крамер, показывая на «микромир».

Инженер подал гостю стакан с водой, положил туда пару кубиков льда и принялся расписывать проект «Последняя Надежда».

– Сто тысяч человек! Совсем немаленькая компания для одного-то корабля, – признал Адриен. – Как же вы собираетесь их разместить?

– Да как обычно, в креслах.

– Вы намерены запихнуть сто тысяч человек в одну ракету и посадить их в кресла на тысячу лет?

Психолог напустил на себя насмешливый вид.

– Вы же наверняка совершали долгие перелеты в самолете? Даже с захватывающими фильмами или книгой десять часов в воздухе – пытка... сущая

пытка. Два дня просто невыносимы. А тысяча лет!..

Психолог принялся играть со своим игрушечным «микромиром».

– Они смогут вставать, – продолжал свое инженер.

– Сто тысяч человек?

– Корабль будет большой. Там предусмотрены залы отдыха, где можно расслабиться. Никакой толкотни.

Адриен Вейсс достал чистый блокнот и принялся набрасывать вчерне нечто похожее на ракету с креслами за прозрачным корпусом.

– Вы не понимаете. Они же сойдут с ума. За тысячу лет в консервной банке! Как эти ваши рыбки. Незачем покидать Землю ради того, чтобы оказаться в замкнутом пространстве и набиться там как сельди в бочке. Это противоречит вашему плакату.

– Мы их подготовим. Человек, кажется, ко всему привыкает. Многие монахи всю жизнь живут затворниками в монастырях.

– Не сотнями же тысяч. К тому же в монастырях открываются окна, чтобы дышать свежим воздухом и смотреть на горы. В ракете с этим сложнее.

– Нужно, наверно, хоть немного... верить в проект.

– Да мне очень хочется верить, что первое поколение тоже «поверит в проект», только я совсем не уверен, что и второе будет на это способно. Даже монахи стали бы неврастениками, окажись они запертыми в ракете на веки вечные.

– Она действительно будет огромная. В одной из своих работ вы, кажется, упоминали, что во избежание насилия между людьми каждому человеку необходимо пятьдесят квадратных метров жизненного пространства.

– Спасибо, что читали мои книги. Но, гм... проблема здесь даже не в размерах, а в жизненных привычках. В первом поколении вы не сможете на всю жизнь

приковать к креслам в ракете, в безвоздушном пространстве людей, проживших всю свою молодость, твердо стоя на ногах, на земле.

Адриен Вейсс продолжал делать наброски.

– Критиковать просто. А вы-то сами какое решение предлагаете?

Психобиолог выдержал долгую паузу, дорисовывая свой корабль.

– Вам угодно знать правду или вы хотите, чтобы я сделал вам одолжение?

– Знать правду.

– На мой взгляд, никакого решения тут нет. Сожалею. Ваш проект действительно не выдерживает критики. У вас нет ни малейшего шанса на успех. Лучше бросьте эту затею, не стоит тратить время попусту и витать в облаках. Вы хотели знать мое мнение – пожалуйста. Рад был с вами познакомиться.

Он встал, надел куртку и направился к двери, но тут вдруг остановился, словно что-то забыл.

– Если только...

– Что «если только»?

– Нет, глупости.

– И все же продолжайте.

– Понадобилось бы построить корабль и в самом деле громадный-прегромадный.

Казалось, он говорил сам с собой.

– Впрочем, нет. Этого маловато. Разве что... Ну да, в самом деле... да нет, невозможно. Если только...

– Что?..

– В сущности, дело не только в пространстве – нужна искусственная гравитация, чтобы как на Земле. Чтобы в полете люди могли не только сидеть, но и стоять! Внутри корабля можно ходить, а внутри ракеты – только плавать.

Он принялся делать новый набросок.

– Надо построить огромный цилиндр, чтобы он вращался. С помощью двигателя. Вокруг своей оси. Как барабан в стиральной машине.

Он нарисовал цилиндр с мотором. А внутри цилиндра изобразил ходящих человечков.

– На это понадобится огромное количество энергии, а «Звездной Бабочке» не хватит электричества, чтобы запустить такой двигатель, – с сожалением заметил Ив.

В дверь постучали – вошла Сатина Вандербильд со стопкой папок. Инженер взялся их просматривать, а она стояла рядом, с любопытством поглядывая на рисунки ракеты и цилиндра.

– Сатина, моя помощница. Адриен предлагает воспроизвести искусственную гравитацию, чтобы уберечь пассажиров от помешательства.

Молодая женщина склонилась над набросками.

– Я сказал, что для этого потребуется немало энергии.

– Чем больше будет корабль, тем больше понадобится солнечных батарей, – предположил Адриен Вейсс. – Чем больше батарей, тем лучше. Снаружи корабль можно обшить светочувствительными панелями.

Ива Крамера поражала уверенность молодого исследователя.

– Вот только жить внутри такого цилиндра не очень-то удобно, – заметила Сатина.

– Наша Земля, кажется, тоже круглая, – ответил Адриен Вейсс.

– Он прав. В самом деле, чем шире поверхность, тем ровнее горизонт. А когда заработает гравитация, внутри цилиндра будет как у нас на Земле. С той лишь разницей, что жить придется не «на» круглой поверхности, а «под» нею, – все больше воодушевляясь, подхватил Ив.

– Как бы «под» полый Землей, – прибавил Адриен.

Однако Сатина все еще пребывала в недоумении.

– Полая земля, говорите? В таком случае куда больше подойдет не цилиндр, а полый шар.

– Цилиндр раскрутить проще, чем шар, – заметил Адриен Вейсс.

Ив уже смотрел в окно, будто увидел там, как строится новый корабль.

– Придется еще раз все пересчитать в сторону повышения, – прошептал он.

Сатина уже не раз слышала эту фразу – и только кивнула, понимая, что в ближайшие дни придется подключить к делу еще людей.

Адриен Вейсс, со своей стороны, погрузился в изучение новых схем, словно не замечая никого вокруг.

19. Стадия кристаллизации

Ложка вращалась в чашке с кофе, раскручивая каплю молока длинной спиралью, состоящей из фракций этой самой капли.

Наблюдая за этим процессом, Ив Крамер вдруг поймал себя на мысли, что молоко в кофе походит на галактику во Вселенной. Все вращается. Планета. Чувства. Проблемы. То, что находится внизу, поднимается вверх. А то, что было наверху, опускается вниз.

К тому же, подумал он, если долго вращаться, наверное, есть шанс встретиться с первой, исходной каплей молока.

Молоко уже совсем смешалось с кофе, окрасив его в бежевый цвет. Инженер добавил сахару. Прилетела мошка – опустилась в чашку, намочила крылышки и уже не смогла взлететь. Ив подцепил ее на кончик ложки и перенес на сухое место, где крохотной букашке было удобнее обсушить крылышки, чтобы они снова ожили.

«Для посадки на планету надо будет построить аппарат поменьше, большой корабль не сможет приземлиться», – рассуждал он.

Над ним нависло яйцо с миром внутри. Кулон психобиолога.

– Идемте скорей, – сказал он, – мне надо вам кое-что показать.

В отделе перспективных разработок Адриен Вейсс представил удивленным взорам Ива Крамера и Габриеля Макнамары макет, который он смастерил за ночь. Конструкция представляла собой соединение из пяти баков для белья. Баки были разрезаны вдоль пополам, чтобы было видно, что там внутри. Адриен Вейсс, похоже, был доволен своей работой.

– Я подумал, лучше не тратить время понапрасну.

И, ощущая на себе любопытные взгляды Ива Крамера, Сатины и Макнамары, он зажег неоновую трубку, помещавшуюся по центру длинного полуцилиндра.

В первом сегменте высветились совсем крохотные пластмассовые фигурки.

– Неоновая трубка – это ось вращения, а кроме того, «внутреннее солнце».

– Корабль будет вращаться вокруг этого источника света? – поинтересовался Габриель Макнамара.

– Вот именно. Он будет воспроизводить искусственную гравитацию, похожую на нашу, земную. Таким образом, пассажирам не придется цепляться за стены и пол. Снизу ничто не поднимется вверх, и ничто не будет летать во внутреннем пространстве. Бросите камешек – и он упадет.

Адриен Вейсс взял фигурку, помещавшуюся в нижней части цилиндра, и показал, как она падает.

Снедаемый любопытством, миллиардер достал портсигар, предложил сигару психологу, выбрал себе одну, самую ароматную, как будто это был леденец на палочке, и поднес к ней горящую спичку.

– А чтобы воспроизводить полные экологические циклы для сотни тысяч человек в течение тысячи лет, предлагаю штуку самую что ни на есть реальную – покрыть стены цилиндра не коврами или другой обивкой, а настоящей землей. Так растения будут расти, как в обычных земных условиях, под действием привычной силы тяготения.

Адриен Вейсс зажег другую неоновую трубку, представлявшую собой продолжение первой, и осветил следующий сегмент цилиндра, где помещались искусственные лужайка и лес. Оба сегмента соединялись кольцом с широкими прозрачными окнами, наподобие иллюминаторов.

– Очень занятно... – прошептал Габриель Макнамара.

– Я даже предусмотрел неровности: холмик, лес, поля, участок для поселения, озеро. Наши космонавты смогут ловить рыбу, кататься на лодках, строить себе хижины в лесу. И все это посреди пустынного космоса.

Он показал на маленькую синюю кляксу, означавшую водоем.

– Озеро? Это подразумевает, что гравитация должна быть постоянной, – забеспокоился Ив Крамер. – Но ведь приток солнечного света на наружные батареи никогда не будет постоянным.

– Я подумываю об электрической батарее с непрерывной подзарядкой. С ней-то уж точно не будет недостатка в энергии.

Сатина Вандербильд с любопытством разглядывала макет.

– А что будет с вашим озером при взлете? – поинтересовалась она.

– Мы наполним его водой, когда подключим гравитацию. Потом, озеро будет не очень большое, хотя в него вместится целая экосистема, причем самая настоящая. На самом деле мне бы очень хотелось, чтобы здесь возвышалась гора со снежными вершинами, ручьями и облаками, чтобы шел дождь, а над соленым морем гулял ветер...

– Искусственное солнце. Искусственная гравитация. Искусственное озеро... – задумчиво повторял миллиардер.

– Для искусственного человечества, – прибавила Сатина.

– Нет, для нового человечества, – взял выше инженер.

Приезд Адриена Вейсса произвел благоприятное действие – про неудачный запуск опытного образца «Звездной Бабочки» все забыли.

Отныне проект «Последняя Надежда» возглавлял квартет, в который входили: Макнамара – руководство, Крамер – замысел, Вейсс – психология и Мэлори – навигация.

Вместе они чувствовали себя сильнее.

Ив впервые поверил, что в один прекрасный день «Звездная Бабочка» действительно отправится в полет к другой Солнечной системе.

Он опять вспомнил отца и подумал, что тот с гордостью составил бы им компанию. Он услышал внутри себя его голос, который нашептывал: Ну давай же, гусеница, превращайся в бабочку. Бабочка, расправь свои крылья и лети к свету.

20. Возгонка соли

Мозги кипели. Разработчикам казалось, что они первопроходцы. Вызовы подобного размаха окрыляли. Одна идея порождала другую. Рассчитав оптимальные размеры корабля с учетом оптимального размера паруса и усилий, необходимых для постройки огромного вращающегося цилиндра, оснащенного системой искусственной гравитации и полной экологической системой, инженеры проекта «Последняя Надежда» определились с окончательными цифрами. Они выглядели сногшибательными.

Корпус «Звездной Бабочки» должен представлять собой трубу длиной 32 километра.

На старте цилиндр должен быть километровой длины, а потом его предстояло разложить во всю длину с помощью выдвижных стволов, вставленных один в другой наподобие подзорной трубы.

Диаметр цилиндра должен составлять 500 метров.

Площадь майларового паруса должна быть не меньше миллиона квадратных километров, что соответствует размерам большой страны или небольшого континента.

Оптимальное число пассажиров, которым было бы гарантировано полное жизнеобеспечение на протяжении тысячи лет, не должно превышать 144 тысяч человек.

Вечером, после работы, инженеры отдыхали в левом крыле Т-образного здания. Их излюбленными местами досуга стали ресторан и кафетерий – там можно было поиграть в разные игры, послушать музыку, заглянуть в библиотеку. В субботу вечером ресторан превращался в танцевальный зал. А в глубине кафетерия размещался кинотеатр.

Что до Элизабет Мэлори, она все так же избегала Ива Крамера. Но он не обижался. И даже остерегался приветствовать ее, когда видел, как она катит вдалеке в своем инвалидном кресле.

Если же она невольно обращала на него взгляд, он из уважения к ней отводил глаза в сторону, чтобы ее не смущать. Между тем Элизабет Мэлори продолжала восстанавливать свою физическую форму, усердно делала упражнения для развития мускулатуры. Она постепенно бросила пить и курить. Питалась теперь только свежими овощами и фруктами. Отказалась от антидепрессантов, а если что и употребляла, то одни лишь снотворные. Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день она не встала со своего кресла-каталки на ноги. Сперва она пробовала ходить на костылях. А потом, после многочисленных неудачных попыток, стоная, но преодолевая боль, она все же смогла одолеть самостоятельно пару десятков метров.

Быстрее! Сильнее!

Ей казалось, что она воскресла, а вернее – вновь пережила то особенное мгновение из детства, когда впервые поднялась с четверенок и стала топтать ножками.

Теперь ее целью было дотянуться до дверных ручек, чтобы выбраться из одного замкнутого пространства в другое.

Дотянуться до дверных ручек.

Ей удалось выбраться из комнаты. Из квартиры. Из сада.

Она громко и радостно закричала, а соседям показалось, что она кричит от боли.

В ознаменование такого события Элизабет Мэлори устроила в ресторане настоящий праздник и перед взорами обитателей центра «Последняя Надежда» облила бензином и сожгла свое инвалидное кресло. Все понимали, насколько важным для молодой женщины был такой жест, – эта победа духа над плотью придала им еще больше воодушевления.

Ив Крамер не пришел на торжество, но передал небольшое послание, которое Сатина зачитала вслух:

«Я видел, как бабочка лишилась крыльев и превратилась обратно в гусеницу.

Видел, как эта гусеница пресмыкалась.

Видел, как гусеница старалась вновь стать бабочкой.

Видел, как у нее снова выросли крылья.

Превращение возможно всегда.

Всегда есть способ, чтобы взмыть под облака.

Браво, Элизабет!

И.К.».

Шеф-повар ресторана приготовил собственный подарок.

Он испек торт и украсил его сахарной бабочкой, сидящей на кресле-каталке.

Вслед за тем кто-то из музыкантов сел за пианино, другой взял электрогитару, третий собрал из кастрюль ударную установку – и все дружно пустились в пляс вокруг горящего инвалидного кресла.

Элизабет спела свою любимую детскую песенку. Ее хриплый, режущий ухо голос звучал даже весело. Габриель Макнамара пригласил вставшую на ноги новоиспеченную певицу танцевать и крепко придерживал ее. Когда она оступалась, он подхватывал ее и всякий раз раздражался своим особым, громоподобным смехом, который так нравился молодой Элизабет. Будто заражаясь от партнера, она тоже начинала смеяться – громко, легко и свободно, словно избавляясь от тяжелейшего напряжения, которое сковывало ее долгое время.

Воспользовавшись коротким мгновением отдыха, Адриен Вейсс танцевал с Сатиной Вандербильт, а после танцев все видели, как они целовались – сначала робко, потом страстно. Во время праздника образовались и другие пары. Большие города с их жизнью были далеко, и здесь, среди этой глухомани, ее обитателям казалось, что они сплотились в какое-то новое племя.

На следующий день Адриен Вейсс собрал срочное совещание, чтобы определиться, кто войдет в число тех 144 тысяч человек, что должны составить экипаж «Звездной Бабочки». Теперь он смотрел на вещи по-другому. Проект, казалось, поглотил его целиком.

– В настоящее время мы проводим эксперимент столь же удивительный, сколь и уникальный, задавшись целью, если представится такая возможность, создать, по выражению Ива, «новое» человечество. Но что нужно сделать, чтобы это новое человечество избежало прошлых своих ошибок?

Перед собравшимися стоял уменьшенный цельный макет корпуса «Звездной Бабочки» в разрезе, внутри которого, на искусственной лужайке, помещались пластмассовые человеческие фигурки.

– Как вам известно, мой проект «Аквариум-I» провалился. Люди, собранные вместе в замкнутом пространстве, в конце концов стали стихийно воспроизводить модели поведения, которые довели наш вид до нынешнего состояния. Какова бы ни была группа индивидов, она неизбежно порождает эксплуататоров, эксплуатируемых, независимых личностей и так называемых козлов отпущения. Чем больше собирается людей, тем жестче становятся их предводители и тем хуже общество обращается со своими козлами отпущения. Тем более что, увеличивая число подопытных, мы как бы заигрываемся с огнем. (Он обвел взглядом собрание.) Если наш проект приведет к повторению прежних ошибок, тогда он не имеет смысла. Хуже того, так, по собственной глупости, мы можем перенести заразную скверну на другую планету.

– Так что ты предлагаешь? – невозмутимо спросил Ив Крамер.

– Предлагаю учинить строжайший отбор, чтобы на борт «Звездной Бабочки» не проникли ни дураки, ни подлецы.

Два последних слова, слетевших с уст ученого, всегда такого сдержанного, произвели сильное впечатление.

Среди собравшихся прокатился смущенный шепоток.

Сатина Вандербильд, не удержавшись, заметила:

- Кто-то и всех нас может посчитать дураками и подлецами.
- Пусть. Тогда, скажем так: изверги, разрушители и потенциальные самоубийцы.
- Но даже эти слова каждый понимает по-своему, – признался Габриель Макнамара.
- Ладно, давайте рассуждать здраво, – предложил Адриен, – давайте отберем по возможности не самых худших. Я верю, что Ив Крамер придумал «необыкновенный» корабль, который позволит нам покинуть нашу Солнечную систему. Так поверьте же и мне – и позвольте придумать новое «необыкновенное» человечество.

Габриель Макнамара смекнул, что для этого потребуется и новый «необыкновенный» бюджет. Впрочем, это его не смущало.

- Учитывая масштаб задачи, мне понадобятся знатоки человеческой натуры. Начнем с Сатины, если она захочет составить мне компанию.

Молодая женщина приняла озабоченный вид. Она запустила руку в коробку с пластмассовыми фигурками, игравшими роль членов экипажа, и стала перебирать их пальцами, как камушки.

21. Отбор 144 тысяч самых-самых...

Кончик ветки ткнулся в гущу листвы и разворошил рой светляков. Десятка два живых огоньков, вспорхнув, закружили во мраке.

Им незачем лететь к свету, они сами горят изнутри.

Ив Крамер долго наблюдал за ними, пританцовывая, пока от холода его не пробила дрожь.

Зачем человеку покорять внешний космос, если он не может покорить свой космос, внутренний?

Зачем лететь к какой-то далекой звезде, если не можешь долететь до звезды в своем сердце?

Он вдруг спохватился.

Вот те на, неужели я становлюсь поэтом? Это не в моем стиле.

Рядом с ним возникла высокая фигура.

Адриен Вейсс.

– Скучаете в одиночестве? Ночные прогулки вам явно по душе.

– А кто не чувствует себя одиноким? Порой мы просто складываем одиночества, только и всего. Так образуется пара. Два одиночества, существующих рядом друг с другом. Даже если у нас есть родители, дети, жены, любовницы, мы все равно одиноки.

Адриен хлопнул его по спине.

– Так рассуждает всякий холостяк! Я же другого мнения. Человеческая алхимия – увлекательнейшая штука. Ты смешиваешь людей так же, как ингредиенты торта. В расчет принимается каждый. Чуть пересолил, переложил дрожжей – торт пропал. Тогда, в «Аквариуме», я просчитался с ингредиентами, но со «Звездной Бабочкой» прежних ошибок я не допущу.

Ив взглянул на бородача, и ему показалось, что его микромир озарился светом, – впрочем, то был всего лишь лунный блик на маленьком стеклянном яйце.

Через несколько дней Адриен Вейсс оборудовал психологический кабинет и собрал у себя лучших вербовщиков с промышленных предприятий, специалистов по набору высококвалифицированных кадров, управляющих человеческими ресурсами, психологов, психоаналитиков, кастинг-директоров кино.

Он попросил их придумать контрольное задание, чтобы отобрать 144 тысячи «по возможности не самых худших» кандидатов.

На первом собрании 32 эксперта, а также Ив, Сатина и Габриель определили три требования к отбору.

1. Самостоятельность. То есть способность самому справляться с поставленными задачами, не прибегая к посторонней помощи.

2. Уживчивость. То есть способность ставить коллективные, общие интересы превыше собственных.

3. Мотивация. То есть стремление к тому, чтобы проект «ПН» в общем увенчался успехом.

Тут открылась дверь, и в кабинет, опираясь на костыли, вошла Элизабет Мэлори.

Ив опустил голову, но капитан, будто переборов отвращение, присела к столу неподалеку от инженера. Их разделяли только двое: Сатина и Адриен.

Смекнув, что не худо бы разрядить обстановку, психобиолог поблагодарил молодую женщину с бирюзовыми глазами за то, что она присоединилась к ним. И без лишних проволочек ввел в курс дела, перечислив, что именно они обсуждали в ее отсутствие.

– Надо добавить одно простое требование, – проговорила она. – 4. Хорошее здоровье.

– Никакого курения, пьянства, наркомании, лекарственной зависимости. Просто потому, что мы не сможем производить медикаменты на борту корабля, – прибавила шкипер.

– Но без выпивки и табака можно с тоски помереть, – лукаво заметил магнат-миллиардер.

И со своей стороны попросил добавить еще одно требование.

5. Молодой возраст.

– О том, чтобы брать на борт моих сверстников, не может быть и речи, – сказал он, сдерживая смех. – Пусть я буду единственным курильщиком, пьяницей и сидящим на таблетках наркошей пятидесяти лет с гаком.

Тут он громко расхохотался, а потом мучительно закашлялся.

Инженер не мог взять в толк, шутит Макнамара или нет. Пребывая в сомнениях, он полагал, что такой проект не оставляет им выбора, а стало быть, возраст 144 тысяч претендентов должен колебаться между двадцатью и пятьюдесятью годами.

– 6. Никакой семейственности, – прибавила Сатина. – Только бездетные холостяки и незамужние, не имеющие родственников на иждивении.

Все согласились.

Адриен Вейсс попросил включить и свое требование.

7. Обитатели Цилиндра должны иметь специальность и обладать каким-нибудь особым талантом.

Он принялся доказывать, что на борту корабля предстоит воссоздать не только экологическую цепочку, но и социальную. А для этого понадобятся дополнительные, узкие специалисты – врачи, биологи, химики, а кроме того, учитывая, что корабль будет устроен по принципу большой деревни, – фермеры, пекари, повара, кузнецы, ткачи, архитекторы, строители, ремесленники.

– И даже люди творческие, – прибавила Сатина. – Музыканты, художники, певцы.

– А может, и комики – для снятия напряжения... Коль скоро у нас не будет ни выпивки, ни наркотиков, – вспомнил Ив Крамер, – придется как-то устраивать свой досуг.

– Наверно, будут нужны и дополнительные космические штурманы? Не можем же мы полагаться на одну-единственную, хоть и непревзойденную, Элизабет

Мэлори, – подчеркнул Макнамара.

Та согласилась, сказав, что придется взять на борт всех шкиперов, вместе с которыми она работала над проектом в Навигационном классе.

– Единственное, как мне кажется, – в свою очередь подчеркнул Адриен Вейсс, – мы вполне могли бы обойтись без политиков, военных и священников. Будем надеяться, что нам удастся построить первое общество без власти, армии и религии. Потому что управление, насилие и вера – это три формы зависимости, – заметил он.

Поскольку общее число пассажиров было огромно и равнялось численности населения целого провинциального города, Ив Крамер предложил отбирать кандидатов по всему миру. Таким образом, его помощница разослала в газеты более десятка стран короткое объявление следующего содержания: «Проводится набор желающих для участия в новом проекте. Значительное вознаграждение. Требования: хорошее здоровье, молодой возраст, отсутствие родственных связей, сильная мотивация».

В ответ было получено 1700000 заявок от претендентов, привлеченных главным образом упоминанием «значительного вознаграждения».

После первого тура, в результате которого отсеялись те, кто не отвечал основным требованиям, в учетных списках осталось 932 тысячи человек.

Сидя за столом в своем психологическом кабинете, Адриен Вейсс просматривал карточку на каждого.

– Теперь остается выбрать самых самостоятельных, уживчивых и мотивированных, – сказал Ив.

– Я знаю, как выявить самых мотивированных, – заметил Адриен. – Для отбора агентов секретных служб есть довольно простой тест. Соберем кандидатов в разных центрах, пускай посидят там несколько часов без всяких объяснений. Поглядим, у кого из них нервишки покрепче.

Сатине идея показалась разумной.

– А о проекте будем им говорить?

– Конечно, нет. Пусть настраиваются на какой-нибудь воображаемый проект, о котором даже ничего не знают.

Таким образом, в восемь часов утра в разных центрах и больших залах, включая гимнастические, разместили 932 тысячи кандидатов – и продержали до девяти часов вечера. Через час четверть кандидатов отсеялась. А когда прошло тринадцать часов, их уже осталось меньше половины: 433 тысячи человек.

22. Стадия отстаивания

Пустынный ветер налетал порывами.

По небу неслись тучи, словно наперегонки.

После стадии отбора разработчики проекта «Последняя Надежда» перешли к стадии отстаивания.

Адриен Вейсс распорядился построить новый город рядом с собственно Центром. То было поселение в форме круга, венчавшее вершину «Т» и служившее как бы продолжением вертикальной палочки буквы.

Первый город Центра, где проживали инженеры, – он располагался в левом плече буквы Т – называли Городом-Бабочкой, а второй – Городом-Гусеницей. Таким образом, те, кто преуспел бы в Городе-Гусенице, могли вскоре переселиться в Город-Бабочку.

Весь Город-Гусеницу начинили видеокамерами, и 32 психолога с помощниками, сменяя друг друга у мониторов, наблюдали за кандидатами, числом 433 тысячи человек, везде и всюду: на улице и у них дома.

Это напоминало крупномасштабное телевизионное реалити-шоу.

Все кандидаты знали, что за ними наблюдают и что их снимают видеокамеры. А все члены отборочного совета знали, что большинство кандидатов могло выдавать себя не за тех, кем они были на самом деле.

Все должно было рассудить время.

Адриен исходил из принципа, что невозможно постоянно обманывать окружающих. В определенные минуты человек неизбежно проявляет свое истинное лицо.

И отставание произошло. Сначала отборочный совет, числом 32 человека, отсеял всех, кто проявлял признаки жестокости.

Всех холериков.

Всех равнодушных к ближним.

Всех склонных к антиобщественному поведению.

Всех склонных к подчинению лидерам и лишенных свободной воли. Так через неделю из 433 тысяч кандидатов осталось 310 тысяч.

Между тем Сатина Вандербильд была недовольна.

– Так мы рискуем набрать самых отпетых проходимцев. Ловкачей, способных в два счета обвести вокруг пальца своих ближних.

Однако Адриен Вейсс был другого мнения...

– Положись на время, маски в конце концов слетают сами собой. Когда ходишь на цыпочках, стараясь казаться выше ростом, рано или поздно устаешь.

Через 15 дней их осталось 250 тысяч.

А через месяц – 218 тысяч.

– Пора прибавить жару, чтобы ускорить обжиг и выпарить самые легкие фракции, – просто возвестил Адриен Вейсс.

Вслед за тем кандидатам объявили, что проект «Последняя Надежда» требует пожизненного участия. И в случае согласия ничем другим в жизни они заниматься не смогут.

Число кандидатов тут же сократилось до 185 тысяч.

– Добавим еще огоньку!

Так, кандидатам сообщили, что жалование им будет урезано. И все, кого интересовали только деньги, разом самоустранились.

Осталось всего лишь 145 тысяч человек.

В довершение отсеяли последнюю тысячу «сомневающихся» – и получили необходимое число участников: 144 тысячи человек.

Нанимали их по контракту.

И лишь после этого подробно рассказали о проекте «Последняя Надежда» и космическом корабле-паруснике.

Оправившись от первого удивления, новоиспеченные участники проекта взялись за подготовку к своей новой работе.

По утрам 144 тысячам будущих космонавтов предстояло упражняться физически – готовиться к жизни в космосе с помощью специальных тренировок. Во второй половине дня, после диетического обеда, они обучались управлять «Звездной Бабочкой» и наилучшим образом распределять между собой обязанности, чтобы в будущем поддерживать жизнеспособность космического «города».

Отныне у главного квартета было 144 тысячи помощников.

Разработчики надеялись, что в это необычное человеческое стадо не затесалось чересчур много паршивых овец.

23. Стадия брожения

Хранить тайну вечно было невозможно. Старт «Звездной Бабочки-IV» засекли военные государственные радиолокационные станции.

Но даже если запуски двух-трех ракет и могли сойти за любительскую забаву, не заметить, что двенадцатиметровый летательный аппарат вышел на геостационарную орбиту, космические наблюдатели просто не могли.

Политики забили тревогу.

Спутники сфотографировали базу «Т».

Туда отрядили лазутчиков.

И те наконец вывели тайну: где-то вдалеке от заселенных областей, посреди пустоши, какой-то эксцентричный миллиардер затеял частный авиационный проект.

А когда в довершение ко всему выяснилось, что он собирается построить огромный космический корабль – для ста с лишним тысяч пассажиров, дело приняло уже совсем другой оборот.

Следом за лазутчиками в центр «Последняя Надежда» устремились газетчики.

Возникло предположение, будто бы Габриель Макнамара помешался рассудком и, одержимый манией величия, вознамерился создать апокалиптическую секту.

Подозревали, что он хотел обратить в рабство целых сто тысяч человек. И подвергнуть всех бесчеловечным опытам.

Чтобы опросить 144 тысячи потенциальных жертв, на место отрядили следственную комиссию. Однако никакого мало-мальски определенного обвинительного заключения она не вынесла. Вопрос «можно ли простому

частному лицу заниматься освоением космоса?» остался открытым.

В конце концов дело вышло на международный уровень.

Организация Объединенных Наций затребовала правительственный отчет по деятельности означенного в деле миллиардера.

Больше других негодовали самые бедные страны, зачастую управляемые диктаторами. Они потребовали, чтобы проект был взят под контроль Организации Объединенных Наций и чтобы в состав экипажа космического корабля включили по одному представителю от каждого государства. Вслед за тем голос подняли служители культов. Возмущенные тем, что среди 144 тысяч космонавтов не оказалось ни одного священника, они тоже стали настаивать, чтобы к членам экипажа корабля было причислено по одному представителю от каждой религии. Потом выступили женщины – они ратовали за сохранение полного равенства между полами. Но, поскольку таковое уже было установлено, они отозвали свои условия.

Наконец, политики потребовали пропорционального представительства от каждого политического течения. Поговаривали даже о проведении демократического отбора пассажиров. Или жеребьевки посредством лототрона. Или же экзаменов наподобие школьных.

Средства массовой информации разгулялись не на шутку – отныне «секретный» проект «Последняя Надежда» и прототип ракеты «Звездная Бабочка» стали излюбленной темой репортажей.

А тот факт, что Центр находился в уединенном месте и был окутан покровом таинственности, только подливал масла в огонь.

Чтобы отвадить охочих до сенсаций репортеров, слетавшихся к ним в захолустье, точно пчелы на мед, Габриель Макнамара пошел на то, чтобы создать службу безопасности числом сто человек. Сам же Центр обнесли двойной оградой.

Однако, поскольку напряженность все возрастала, Габриель Макнамара решил сделать заявление по поводу тех, кого в своем кругу он называл «представителями старого мира».

24. Стадия прокаливания

По этому случаю он надушился одеколоном с ароматом сандалового дерева.

Стоя одиноко на трибуне, низенький человечек в кожаных штанах и модной куртке выпил стакан воды и, прежде чем зачитать заранее подготовленную речь, откашлялся. На него были устремлены суровые взоры представителей сотни наций, но он был решительно настроен сказать свое слово.

Он повернулся к микрофонам и перевел взгляд на телекамеры с горевшими красными огоньками, означавшими, что они были включены.

– Быть разумным – значит не повторять ошибок.

Он кашлянул.

– Так называется моя речь, – уточнил он.

Габриель Макнамара развивал эту тему целый час. Он объяснял, что одинаковое поведение заводит в один и тот же тупик.

А стало быть, необходимо попробовать предпринять что-то новое, другое, и в другом месте. На вопрос о представительстве всех наций он ответил, что для него не существует ни стран, ни наций, ни границ, ни религий – только человеческие существа, биологический вид, заполонивший поверхность земной коры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/bernar-verber/zvezdnaya-babochka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)